МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

ТАЙНА ЛЕДИ ОДЛИ

Мэри Элизабет Брэддон
Тайна леди Одли
Серия «Золотой век детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945505
Брэддон М. – Тайна леди Одли: Роман: Мир книги, Литература; Москва; 2009
ISBN 978-5-486-02879-3

Аннотация

Мэри Элизабет Брэддон (1835–1915) – одна из самых известных и любимых писательниц викторианской Англии, оставившая после себя богатое литературное наследие: около 80 романов, 5 пьес, многочисленные поэмы и рассказы. Писательский талант она унаследовала от родителей: оба работали в журнале «Спортинг мэгэзин». В 1850-е гг. из-за финансовых проблем Мэри стала профессиональной актрисой; вместе с труппой выступала в Лондоне и в провинции. Тогда же Брэддон стала писать собственные пьесы и поэмы; затем принялась под разными псевдонимами сочинять так называемые «романы с продолжением», для лондонского журнала «Хэлфпенни джорнэл», издаваемого Джоном Максвеллом, ставшим впоследствии мужем писательницы. В данном томе представлен роман «Тайна леди Одли», принесший Брэддон настоящую славу. Его героине, бывшей гувернантке Люси

Грэм, вышедшей замуж за богатого пожилого аристократа сэра Майкла Одли, до поры до времени удается поддерживать образ респектабельной дамы из высшего общества. Но вскоре читатель, вслед за другими героями романа, начинает подозревать, что в прошлом новоиспеченной леди не все так гладко, как она любит рассказывать… Объединив элементы детектива, психологического триллера и великосветского романа, «Тайна леди Одли» стала одной из самых популярных и успешных книг своего времени.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1. Люси 5
Глава 2. На борту «Аргуса» 22
Глава 3. Спрятанные реликвии 37
Глава 4. На первой странице «Таймс» 47
Глава 5. Надгробие в Вентноре 55
Глава 6. Прочь из этих мест 63
Глава 7. Год спустя 71
Глава 8. Перед бурей 87
Глава 9. После бури 103
Глава 10. Исчезновение 112
Глава 11. Синяк на руке госпожи 118
Глава 12. Все еще не найден 126
Глава 13. Тревожные мысли 134
Глава 14. Жених Фебы 143
Конец ознакомительного фрагмента. 151

Мэри Брэддон
Тайна леди Одли

Часть первая

Глава 1. Люси

Одли-Корт располагался в низине, где рос старый строевой лес и раскинулись плодородные пастбища, и вы набредали на него, идя по липовой аллее, по обеим сторонам которой зеленели луга, откуда из-за высоких изгородей с любопытством поглядывали на вас коровы, недоумевая, быть может, как же вы здесь очутились, ибо тут не было большой дороги, и если только вы не направлялись в Одли-Корт, вам там вообще нечего было делать.

Аллею увенчивала старинная арка и башня с часами, причудливыми и сбивающими с толку, у которых была только одна стрелка, прыгающая сразу с одной цифры на другую. Через арку вы проходили прямо в сады Одли-Корта.

Вы оказывались на ровной лужайке, усеянной купами рододендронов, самых лучших во всем графстве. Направо располагались огороды, пруд и фруктовый сад, окруженный рвом, в котором давно не было воды, и полуразвалившейся

стеной, увитой плющом, желтым очитком и темным мхом. Слева пролегала широкая гравийная дорожка, по которой много лет назад, когда здесь был монастырь, рука об руку прогуливались бесстрастные монахини; здесь же была стена, затененная вековечными дубами, которые укрывали под своей сенью дом и сады.

Дом стоял лицом к арке и занимал три стороны четырехугольника. Он был чрезвычайно стар, построен без плана и несоразмерен. Не было ни одного похожего окна: одни маленькие, другие большие, третьи с тяжелыми каменными средниками и разноцветным стеклом, некоторые с хрупкими решетками, дребезжащими при каждом дуновении ветра; другие такие современные, что, казалось, были построены буквально вчера. Множество труб возвышалось тут и там за острым коньком крыши, они казались настолько дряхлыми от старости и долгой службы, что давно должны были бы упасть, если бы не разросшийся повсюду плющ, который карабкаясь вверх по стенам и поднимаясь даже выше крыши, обвивал их и поддерживал. Входная дверь была втиснута в угол башенки с края здания, как будто пряталась там от опасных гостей и желала сохранить себя в тайне; благородная дверь, из старого дуба, обитая железными гвоздями с квадратными головками и такая толстая, что острый железный молоток глухо ударял о нее, и посетителю нужно было звонить в колокольчик, висевший в углу среди плюща, чтобы шум от стука не проник за стены этой твердыни.

Чудесное место, при виде которого посетители впадали в восторг, испытывая неодолимое желание свести все счеты с жизнью и остаться здесь навсегда, бездумно смотреть в прохладные воды прудов, считая пузырьки, пускаемые рыбешкой; место, в котором, казалось, воцарился мир, простирая свою умиротворяющую руку над каждым деревом и цветком, над неподвижной гладью воды прудов и тихими аллеями, тенистыми углами старомодных комнат, низкими подоконниками за цветными стеклами окон, над лугами и величественными аллеями – о, даже над заброшенным колодцем, прохладным и затененным, как и все в этом старинном месте, укрывшимся в кустарнике за садами, ручка у которого никогда не поворачивалась, а веревка была такая гнилая, что ведро от нее давно оторвалось и упало в воду.

Благородное место, как снаружи так и внутри: дом, в котором вы непременно терялись, если решались обойти его в одиночку; дом, в котором ни одна комната не была похожа на другую, каждая комната по касательной переходила во внутреннюю, которая вниз, по какой-нибудь узкой лесенке вела к двери, приводившей в свою очередь обратно в ту самую часть дома, что, как вы полагали, была дальше всего от вас; дом, который никогда не мог быть построен каким-нибудь смертным архитектором, но должно быть, являлся ручной работой хорошего старого зодчего – Времени, которое, то пристраивая что-нибудь, то разрушая, снося камин – ровесник Плантагенетов и, устанавливая другой очаг, в стиле

Тюдоров; разрушая часть Саксонской стены в одном месте и оставив норманнскую арку в другом; добавляя ряд высоких узких окон времен правления королевы Анны и, пристраивая столовую в стиле Георга I к трапезной, которая сохранилась со времен Завоевания, – это самое Время умудрилось за какие-нибудь одиннадцать веков возвести такой особняк, какой вряд ли вы могли где-либо еще найти в графстве Эссекс. И конечно же, в таком доме просто не могло не быть потайных комнат: маленькая дочь нынешнего владельца, сэра Майкла Одли, случайно обнаружила одну из них. Под ее ногами провалилась половица в большой детской, оказалось, что она расшаталась, и когда ее подняли, то обнаружили лестницу, ведущую в тайник между полом детской и потолком комнаты ниже – тайник такой маленький, что тот, кто прятался там, должен был согнуться на корточках или лежать, и все же достаточно большой для огромного старого дубового сундука, наполовину заполненного церковным облачением, которое, без сомнения, было спрятано в те суровые годы, когда жизнь человека подвергалась опасности, если он давал убежище римскому католическому священнику или если в его доме служили мессу.

Широкий ров, окружающий сад, давно зарос травой; деревья, гнущиеся под тяжестью плодов, склоняли над ним свои узловатые широкие ветви, рисуя фантастические узоры на зеленом склоне. За рвом находился, как я уже говорила, пруд – водная гладь, простирающаяся во всю длину сада; рядом

с ним пролегала липовая аллея, так затененная от солнца и неба, настолько скрытая от посторонних глаз густой тенью деревьев, образующих арку, что казалась идеальным местом для тайных свиданий; место, в котором можно было смело планировать заговор или давать обет влюбленным, и тем не менее оно находилось едва ли в двадцати шагах от дома.

В конце этой темной сводчатой галереи из лип рос кустарник, где, наполовину скрытый переплетающимися ветвями и сорной травой, стоял покрытый ржавчиной круглый сруб старого колодца, о котором я уже говорила. Без сомнения, он хорошо послужил в свое время, и, возможно, трудолюбивые монахини собственноручно доставали из него холодную воду; но теперь он обвалился от бездействия, и едва ли кто-нибудь в Одли-Корт знал, есть ли вода в источнике. Прохладными вечерами у сэра Майкла Одли вошло в привычку прогуливаться по аллее, покуривая сигару, в сопровождении хорошенькой молодой жены, но уже через десять минут баронет и его спутница, устав от шелеста лип и спокойной глади воды, скрытой под широкими листьями лилий, и длинной зеленой аллеи с заброшенным колодцем в конце, брели обратно в белую гостиную, где госпожа играла мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона, пока ее муж не засыпал в кресле. Сэру Майклу Одли было пятьдесят шесть лет, и он женился во второй раз через три месяца после своего пятидесятипятилетия. Это был крупный мужчина, высокий и плотный, с глубоким звучным голосом, красивыми черными

глазами и седой бородой, из-за которой он выглядел почтенным против собственного желания, так как был энергичным, как юноша, и слыл одним из лучших наездников графства. Он вдовствовал 17 лет с единственным ребенком – дочерью Алисией Одли, которой было теперь восемнадцать и которая была отнюдь не в восторге от того, что в дом привели мачеху, так как мисс Алисия обладала верховной властью в доме отца с раннего детства, хранила все ключи, звенела ими в карманах своих шелковых передников, теряла их в кустарнике и роняла в пруд, причиняя всевозможные неприятности из-за них с того времени, как вступила в отрочество, и по этой причине пребывала в глубоком убеждении, что именно она всегда вела домашнее хозяйство.

Но время мисс Алисии кончилось, и теперь, если она спрашивала о чем-нибудь экономку, та отвечала, что узнает у госпожи или посоветуется с госпожой, и это будет сделано, если угодно госпоже. Таким образом, дочь баронета, которая была прекрасной наездницей и неплохой художницей, проводила большую часть времени вне дома, скакала на лошади по зеленым дорожкам, делала наброски деревенских детей, коров и всех животных, какие ей попадались. Она была решительно настроена против какой бы то ни было близости между нею и молодой женой баронета, и несмотря на все дружелюбие последней, преодолеть предубеждение и неприязнь мисс Алисии оказалось для нее совершенно невозможным, так же как и убедить испорченную девчонку, что она не

нанесла ей смертельной раны, выйдя замуж за сэра Майкла Одли.

Правда состояла в том, что леди Одли, став женой сэра Майкла, сделала одну из тех очевидно выгодных партий, которые обычно навлекают на женщину зависть и ненависть остальных представительниц ее пола. Она появилась в здешних местах в качестве гувернантки в семье врача в деревне неподалеку от Одли-Корта. Никто ничего не знал о ней, за исключением того, что она откликнулась на объявление, которое мистер Доусон, врач, поместил в «Таймс». Она приехала из Лондона, и единственная рекомендация, которую она предъявила, была от некоей леди из школы в Бромптоне, где она однажды была учительницей. Но эта рекомендация была настолько удовлетворительной, что другой и не требовалось, и мисс Люси Грэхем была принята в качестве наставницы дочерей врача. Ее достоинства были настолько блестящи и многочисленны, что вызывало недоумение ее согласие на объявление, предлагающее столь скромное вознаграждение, какое ей назначил мистер Доусон, но мисс Грэхем, казалось, совершенно удовлетворена своим положением: она учила девочек играть сонаты Бетховена, рисовать с натуры и шла пешком через унылую, заброшенную деревеньку к скромной маленькой церкви три раза в неделю с таким удовлетворением, как будто ее единственным желанием было делать это всю оставшуюся жизнь.

Все считали, что у нее мягкая и дружелюбная натура, по-

этому она всегда весела, счастлива и довольна при любых обстоятельствах.

Куда бы она ни шла, везде, казалось, она приносила радость и веселье. В домах у бедных ее прекрасное личико освещало все, словно солнечный луч. Она обязательно посидит и побеседует с четверть часа с какой-нибудь старушкой и будет принимать восхищение какой-нибудь беззубой старухи как комплименты высокородного маркиза; и когда она удалялась легкой походкой, ничего не оставив бедняге (ее мизерное жалованье не располагало к щедрости), старушка приходила в восторг от ее изящества, красоты, доброты, чего она никогда не делала в отношении жены викария, которая содержала ее. Видите ли, мисс Люси Грэхем была одарена от Бога той магической властью обаяния, благодаря которой женщина может очаровать одним только словом или опьянить улыбкой. Все любили, восхищались и хвалили ее. Мальчик, открывший ей ворота по пути, бежал домой к своей матери, чтобы рассказать о ее прелестных взглядах и сладком голосе, которым она поблагодарила его за услугу. Церковный служка, проводивший ее до скамьи врача, викарий, который видел устремленные на него добрые голубые глаза, когда он читал свою простую проповедь, носильщик со станции железной дороги, приносивший ей иногда письмо или посылку и никогда не ожидавший за это награды, ее работодатель, его посетители, ее ученики, слуги – все, высокого и низкого звания, объединились, провозгласив Люси Грэхем

самой приятной девушкой на свете.

Возможно, именно этот глас восхищения проник в спокойные апартаменты Одли-Корта, или, возможно, это было ее прелестное личико, которое можно было увидеть каждое воскресное утро в церкви. Как бы там ни было, одно можно было сказать с уверенностью – сэр Майкл Одли неожиданно испытал сильное желание поближе познакомиться с гувернанткой мистера Доусона.

Достаточно было только намекнуть об этом достойному доктору, и был устроен вечер, на который были приглашены викарий с женой и баронет со своей дочерью.

И этот тихий вечер определил судьбу сэра Майкла. Он больше не мог сопротивляться нежному очарованию этих ласковых голубых глаз, изящной красоте этой стройной шеи и склоненной головке с каскадом льняных локонов, музыке ее низкого мягкого голоса, совершенной гармонии, которая делала все вдвойне очаровательным в этой женщине; он больше не мог противиться своей судьбе. Судьба! Да, это была судьба. Он никогда не любил до этого. Чем был его брак с матерью Алисии, как не скучной, рутинной сделкой, совершенной, чтобы сохранить имение в семье? Чем была его любовь к первой жене, как не слабым, жалким, тлеющим огоньком, слишком незначительным, чтобы быть погашенным, слишком слабым, чтобы разгореться? А вот ЭТО – была любовь, эта лихорадка, это сильное желание, это беспокойное, неопределенное жалкое ожидание, этот ужасный

страх, что его возраст – непреодолимый барьер на пути к счастью; эта болезненная ненависть к своей седой бороде, это сумасшедшее желание быть снова молодым, с блестящими цвета воронова крыла волосами, со стройной талией, какая была у него лет двадцать назад; эти бессонные ночи и унылые дни, которые восхитительным образом оживлялись, если ему случалось поймать взгляд ее прелестного лица из-за занавески, проезжая мимо дома врача; все эти признаки говорили совершенно ясно одно – то, что сэр Майкл в рассудительном возрасте пятидесяти пяти лег заболел ужасной лихорадкой, имя которой – Любовь.

Я не думаю, что во время своего ухаживания баронет хоть сколько-нибудь рассчитывал на свое богатство и положение в обществе в качестве сильного аргумента в свою пользу. Если он когда-либо и вспоминал об этом, то с содроганием прогонял эту мысль. Ему приносила боль даже сама мысль о том, что такое хорошенькое и невинное создание может приравнивать себя к стоимости богатого дома или доброго старого титула. Нет, он надеялся на то, что ее жизнь скорее всего была полна тяжелого труда и зависимости, и так как она была очень молода (никто точно не знал ее возраст, но выглядела она немногим больше двадцати), вряд ли у нее могла быть какая-либо привязанность и что он – первый, кто домогается ее любви, мог бы нежным ухаживанием, внимательным участием, любовью, которая напомнит ей умершего отца, заботливой защитой, которая сделает его необходимым ей, заво-

евать ее юное сердце и добиться ее первой любви, помимо обещания ее руки. Без сомнения, это была очень романтическая мечта, но, несмотря на это, вполне осуществимая. Казалось, что Люси Грэхем нравятся ухаживания баронета. В ее поведении не было никакой хитрости, обычно применяемой женщиной, которая хочет увлечь богатого мужчину. Она так привыкла, что ею все восхищаются, что поведение сэра Майкла не удивляло ее. К тому же он так много лет был вдовцом, что уже вряд ли кто-нибудь ожидал, что он когда-нибудь женится снова. Наконец миссис Доусон заговорила об этом с гувернанткой. Супруга врача сидела в классной, занимаясь какой-то работой, в то время как Люси добавляла последние штрихи к акварелям, сделанным ее учениками.

– Вы знаете, моя дорогая мисс Грэхем, – начала миссис Доусон, – я полагаю, вам следует считать себя исключительно удачливой девушкой.

Гувернантка подняла голову и недоумевающе уставилась на свою хозяйку, отбросив назад пышные локоны. Это были самые изумительные волосы – мягкие и пушистые, обрамляющие ее лицо и создающие бледный ореол вокруг ее головы, когда солнечный свет падал на них.

– Что вы имеете в виду, моя дорогая миссис Доусон? – спросила она, окуная кисть из верблюжьего волоса в аквамарин на палитре и тщательно ее проверяя, прежде чем наложить легкий голубой штрих, который должен был оживить горизонт на рисунке ученика.

– Ну, я имею в виду, моя дорогая, что только от вас зависит – станете ли вы леди Одли и хозяйкой Одли-Корта.

Люси Грэхем уронила кисть на рисунок и покраснела до корней своих прекрасных волос, затем снова побледнела, такой бледной миссис Доусон ее никогда не видела.

– Моя дорогая, не волнуйтесь, – стала успокаивать ее жена врача. – Вы же знаете, что никто не просит вас выходить за сэра Майкла против вашего желания. Конечно, это была бы великолепная партия: у него солидный доход, и он один из самых щедрых мужчин. Ваше положение очень возвысилось бы, и вы смогли бы делать много добрых дел, но, как я говорила ранее, вы должны руководствоваться только своими чувствами. Но я должна вам все же сказать одну вещь – если ухаживания сэра Майкла вам неприятны, то едва ли достойно поощрять их.

– Его ухаживания, – поощрять его! – пробормотала Люси недоумевая. – Ради бога, миссис Доусон, не говорите так! Я и понятия не имела об этом. Мне никогда бы это и в голову не пришло.

Она облокотилась о чертежную доску и, закрыв лицо ладонями, несколько минут пребывала в глубокой задумчивости. Она носила узкую черную ленточку вокруг шеи, к которой был прикреплен то ли медальон, то ли крестик, или миниатюра; но чем бы ни был этот брелок, она всегда хранила его спрятанным под платьем. Раз или два во время этого состояния задумчивости она убирала одну из рук от лица и

нервно теребила ленточку, сжимая ее нервным движением и передвигая ее пальцами.

– Я думаю, что некоторые люди рождены для несчастья, миссис Доусон, – произнесла она наконец. – Для меня было бы слишком большим счастьем стать леди Одли.

Она сказала это с такой горечью, что супруга врача взглянула на нее в удивлении.

– Вы – и неудачливы, моя дорогая! – воскликнула она. – Я полагаю, кому бы говорить так, но не вам – вам, такому прекрасному счастливому созданию, что всем доставляет удовольствие только смотреть на вас. Я решительно не знаю, что мы будем делать, если сэр Майкл украдет вас у нас.

После этого разговора они часто беседовали на эту тему, и Люси никогда не выказывала никаких чувств, когда обсуждали, как баронет восхищается ею. В семье врача все молчаливо пришли к выводу, что гувернантка склонна принять предложение сэра Майкла, если он его сделает; и действительно, простые Доусоны сочли бы это ни больше ни меньше как сумасшествием, если бы девчонка, у которой не было ни гроша за душой, отказалась бы от такой партии.

Итак, однажды в туманный июньский вечер сэр Майкл, сидя напротив Люси Грэхем у окна в маленькой гостиной врача, воспользовался случаем – пока они были вдвоем – поговорить о предмете, который был наиболее близок его сердцу. Он попросил руки гувернантки в нескольких сдержанных словах. Было что-то почти трогательное в его манере и тоне,

которым он говорил с ней – наполовину умоляя и прекрасно сознавая, что едва ли молодая красивая девушка сделает выбор в его пользу, и больше желая, чтобы она отвергла его, хотя и разбила бы этим его сердце, чем вышла за него замуж без любви.

– Я смею думать, что вряд ли есть больший грех, Люси, – говорил он торжественно, – чем тот, который совершает женщина, выходя замуж без любви. Вы так дороги мне, моя любимая, что как бы ни было глубоко мое чувство к вам и как бы ни была горька даже сама мысль о разочаровании, я не позволю вам совершить такой грех даже ради моего счастья. Если бы мое счастье могло быть достигнуто такой ценой, – повторил он серьезно, – ничего, кроме несчастья, не получилось бы из супружества, если оно совершается не во имя правды и любви.

Люси смотрела не на сэра Майкла, а вдаль, в туманные сумерки, на темный пейзаж за маленьким садом. Баронет пытался увидеть ее лицо, но она стояла к нему в профиль, и он не мог видеть выражение ее глаз. А если бы ему это удалось, то он увидел бы тоскующий пристальный взгляд, который, казалось, хотел проникнуть во мрак и заглянуть в мир иной.

– Люси, вы слышите меня?

– Да, – промолвила она мрачно, но не холодно, нет, она не была обижена его словами.

– И ваш ответ?

Она не отвела взгляда от темнеющего пейзажа за окном,

но несколько мгновений хранила молчание; затем, повернувшись к нему с неожиданной страстью, по-новому осветившей ее удивительную красоту, которую баронет разглядел даже в сгущающихся сумерках, она упала на колени у его ног.

– Нет, Люси, нет, нет! – горячо вскрикнул он- Не здесь, не здесь!

– Да, здесь, здесь, – настаивала она, и странная страсть делала ее голос пронзительным и резким – не громким, но чрезвычайно отчетливым, – здесь и больше нигде. Как вы благородны и щедры! Любить вас! Есть женщины в сотни раз красивее и лучше меня, которые могли бы преданно вас любить, но вы просите слишком многого от меня. Вы просите слишком многого от *меня!* Вспомните, чем была моя жизнь, только вспомните это. С раннего детства я не видела ничего, кроме нищеты. Мой отец был джентльменом, умным, хорошо воспитанным, щедрым, красивым – но бедным. Моя мать… но позвольте мне не говорить о ней. Нищета, испытания, нужда, унижения, лишения! Вы не знаете этого, вы, кто живет среди тех, для кого жизнь легка, вы даже не догадываетесь, что приходится переносить таким, как мы. Поэтому не просите у меня слишком много. Я не могу не быть незаинтересованной, я не могу не видеть выгод такого союза. Я не могу, не могу!

Помимо ее возбуждения и страстности в ней было что-то неопределенное, что вселяло в баронета смутную тревогу.

Она все еще была на полу у его ног, скорее скорчившись, чем просто преклонив колени, ее тонкое белое платье облегало фигуру, светлые волосы струились по плечам, огромные голубые глаза блестели в сумерках, и руки ухватились за черную ленточку вокруг шеи, как будто она душила ее.

– Не просите слишком много от меня, – все повторяла она, – я с детства была эгоисткой.

– Люси, Люси, говорите прямо. Я вам не нравлюсь?

– Не нравитесь! Нет, нет!

– Вы кого-нибудь любите?

Она громко рассмеялась, услышав этот вопрос.

– Я не люблю никого на свете, – ответила она.

Он был рад ее ответу, и все же это и ее странный смех смущали его чувства. Помолчав несколько мгновений, он промолвил с усилием:

– Люси, я не буду просить от вас слишком многого. Осмелюсь сказать – я романтический старый глупый человек, но если вы не испытываете ко мне неприязни, и если вы никого другого не любите, я не вижу причины, почему мы не можем стать счастливой парой. Решено Люси?

– Да.

Баронет заключил ее в свои объятья и поцеловал в лоб; затем, спокойно пожелав ей спокойной ночи, он вышел из дома.

Он сразу вышел из дома, этот старый глупый человек, потому что в его сердце было какое-то странное чувство – не

радость, не триумф, но что-то сродни разочарованию, какое-то удушающее и неудовлетворенное желание камнем лежало у него на сердце, как будто он нес труп у груди. Он нес труп той надежды, что умерла от слов Люси. Все сомнения, страхи и робкие надежды были кончены.

Люси Грэхем медленно поднималась по лестнице в свою маленькую комнату. Она поставила тусклую свечу на комод и села на край белой кровати, такая же тихая и белая, как драпировки, висевшие вокруг нее.

– Больше не будет зависимости, не будет тяжелой работы, не будет унижений, – прошептала она. – Все следы старой жизни исчезли – все нити к правде похоронены и забыты – за исключением этих, за исключением этих.

Она не убирала руки с черной ленточки вокруг шеи. Она вытащила ее из-под платья и посмотрела на предмет, прикрепленный к ней.

Это был не медальон, не миниатюра и не крестик: это было кольцо, завернутое в кусочек бумаги, желтой от времени и смятой от частых развертываний.

Глава 2. На борту «Аргуса»

Он выбросил окурок сигары в море и, облокотившись о поручни, задумчиво смотрел на волны.

«Как они утомительно однообразны, – размышлял он. – Голубые, зеленые, опаловые; и снова опаловые, голубые, зеленые, красивые, конечно, но наблюдать за ними три месяца – это уж слишком, особенно…»

Он не попытался закончить предложение; его мысли, казалось, блуждали среди этих самых волн и унесли его за тысячу миль отсюда.

– Бедная малышка, как она будет рада! – пробормотал он, открывая коробку с сигарами и лениво обозревая ее содержимое. – Как она будет рада и удивлена! Бедная маленькая девочка! Через три с половиной года; да, она очень удивится.

Это был молодой человек около двадцати пяти лет, со смуглым лицом, загоревшим от длительного пребывания на солнце; у него были красивые карие глаза с черными ресницами, которые искрились мягкой доброй усмешкой, густая борода и усы, закрывавшие всю нижнюю часть лица. Высокий, могучего сложения, он носил свободный серый костюм и фетровую шляпу, небрежно наброшенную на темные волосы. Звали его Джордж Толбойс и он занимал одну из кормовых кают на борту добротного судна «Аргус», груженного австралийской шерстью и плывущего из Сиднея в Ливер-

пуль.

На «Аргусе» было мало пассажиров. Пожилой торговец шерстью, который возвращался на родину с женой и дочерьми, сколотив состояние в колониях; гувернантка тридцати пяти лет, плывущая домой, чтобы выйти замуж за человека, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад; сентиментальная дочка зажиточного австралийского винного торговца, которая должна была закончить в Англии свое образование, и Джордж Толбойс были единственными пассажирами первого класса на борту.

Этот самый Джордж Толбойс был душой корабля; никто не знал, кто он и откуда, но все любили его. Он восседал во главе обеденного стола и помогал капитану потчевать пассажиров за дружеской трапезой. Он открывал бутылки с шампанским и пил со всеми присутствующими, рассказывал смешные истории и первый начинал смеяться так заразительно, что невозможно было остаться серьезным. Он был заводилой во всех играх, которые так увлекали это маленькое общество, что ураган мог пронестись над их головами, а они бы и не заметили; но он открыто признавался, что не имел способностей к висту и не мог отличить коня от ладьи на шахматной доске.

Действительно, мистер Толбойс не был слишком ученым джентльменом. Бледная гувернантка пыталась разговорить его на тему о модной литературе, но Джордж только подергивал себя за бороду и смотрел на нее, время от времени делая

замечания, вроде: «А, да!» и «Ну конечно!». Сентиментальная юная леди, которая ехала домой, чтобы закончить образование, пытала его Шелли и Байроном, но он только смеялся, как будто поэзия была шуткой. Торговец шерстью пытался выяснить его мнение о политике, но он оказался не очень сведущ в ней; итак, его оставили в покое – курить сигары, болтать с матросами, слоняться по палубе и глазеть на воду. Но когда «Аргусу» осталось плыть менее четырех недель до Англии, все заметили перемену в Джордже Толбойсе. Он стал беспокоен; иногда так весел, что каюта содрогалась от смеха, иногда мрачен и задумчив. Хотя он был любимцем среди матросов, они вконец устали от его беспрестанных вопросов о возможном времени прибытия. Произойдет ли это через десять дней, одиннадцать или тринадцать? Попутный ли ветер? Сколько узлов в час делает судно? А то вдруг его охватывало буйство, и он топал ногами по палубе и кричал, что это разбитое старое корыто, а его владельцы – мошенники, рекламируя его как быстроходный «Аргус». Он не был пассажирским судном, не был приспособлен, чтобы перевозить нетерпеливые живые существа с сердцами и душами, он был годен только на то, чтобы грузить его тюками глупой шерсти.

Солнце опускалось за море, когда Джордж Толбойс закурил сигару в этот августовский вечер. Еще десять дней, как сказали ему днем матросы, и они увидят английское побережье.

– Я поплыву на берег в первой же лодке, – кричал он, – даже в яичной скорлупе. Клянусь, если до этого дойдет, я вплавь доберусь до берега.

Его спутники, за исключением бледной гувернантки, смеялись, видя его нетерпение; она лишь вздыхала, наблюдая за молодым человеком, который негодовал на медленно тянущееся время, беспокойно метался по каюте, бегал вверх и вниз по лестнице и неотрывно смотрел на волны.

Когда багровый луч солнца коснулся воды, гувернантка поднялась из каюты на палубу, чтобы прогуляться, пока пассажиры сидели внизу за стаканом вина. Подойдя к Джорджу, она стала с ним рядом, наблюдая багровый закат на западном небосклоне.

Эта дама была очень спокойна и сдержанна, редко участвовала в развлечениях, никогда не смеялась и очень мало говорила, но они с Джорджем Толбойсом стали лучшими друзьями во время плавания.

– Моя сигара не раздражает вас, мисс Морли? – спросил он, вынимая ее изо рта.

– Вовсе нет, курите, пожалуйста. Я только подошла взглянуть на закат. Какой чудесный вечер!

– Да-да, конечно, – ответил он нетерпеливо. – И все же такой длинный, такой длинный! Еще десять бесконечных дней и десять утомительных ночей прежде, чем мы причалим.

– Да, – промолвила, вздохнув, мисс Морли. – Вы хотите, чтобы время бежало быстрее?

– Хочу ли я? – вскричал Джордж. – А вы разве нет?

– Едва ли.

– Но разве в Англии нет никого, кого вы любите? Разве никто не ждет вашего приезда?

– Я надеюсь на это, – мрачно ответила она. Некоторое время они молчали, он курил сигару с яростным нетерпением, как будто своим беспокойством мог ускорить ход судна, она смотрела на угасающий свет грустными голубыми глазами; глазами, поблекшими от чтения книг с мелким шрифтом и точной швейной работы; глазами, которые, возможно, поблекли от слез, тайно пролитых в безмолвные часы одиноких ночей.

– Взгляните! – неожиданно воскликнул Джордж, указывая в другую сторону, чем та, куда смотрела мисс Морли. – Там новая луна.

Она подняла глаза к бледному серпу молодого месяца, сама почти такая же бледная и безжизненная.

– Мы увидели его в первый раз. Нужно загадать желание! – сказал Джордж. – Я знаю, чего хочу.

– Чего?

– Чтобы мы быстрее добрались до дома.

– А я хочу, чтобы нас не постигло разочарование, когда мы туда доберемся, – печально ответила гувернантка.

– Разочарование!

Он вздрогнул, как будто его ударили, и спросил, что она имела в виду.

– Я имею в виду следующее, – она говорила быстро, с беспокойным движением своих тонких пальцев. – Я хочу сказать, что по мере завершения этого долгого путешествия, надежда угасает в моем сердце: меня охватывает болезненный страх, что в конце не все будет благополучно. Чувства человека, с которым я должна встретиться, могли измениться; или он мог сохранить свое чувство до того момента, когда увидит меня, и затем в мгновение ока утратить его при виде моего бледного изможденного лица, а ведь меня считали хорошенькой, мистер Толбойс, когда я уплывала в Сидней пятнадцать лет назад; или жизнь могла сделать его корыстным и эгоистичным, и он мог желать встречи со мной только из-за тех сбережений, что я сделала за пятнадцать лет. Опять же, он мог умереть. Он мог быть вполне здоров еще за неделю до нашего прибытия, а в эти последние дни мог подхватить лихорадку и умереть за час до того, как наш корабль бросит якорь. Я все думаю об этом, мистер Толбойс, эти сцены мучительно проносятся в моем воображении по двадцать раз за день. Двадцать раз в день! – повторила она. – Да что там, по тысяче раз в день.

Джордж Толбойс стоял недвижимый с сигарой в руке и слушал ее так напряженно, что когда она произнесла последние слова, его напряжение спало, и он уронил сигару в воду.

– Подумать только, – продолжала она, больше разговаривая сама с собой, чем с ним. – Подумать только, оглядываясь назад, как я была полна надежд, когда корабль отплыл, я

совсем не думала о разочаровании, но представляла радость встречи, слова, которые он скажет, интонацию, взгляды; но этот последний месяц путешествия, день за днем, час за часом, мое сердце сжимается, мечты угасают, и я страшусь конца, как будто знаю, что еду в Англию на похороны.

Неожиданно молодой человек повернулся к своей спутнице, на лице его была тревога. В бледном свете луны ей было видно, что кровь отлила от его лица.

– Какой я дурак! – воскликнул он, ударив сжатым кулаком по поручню. – Какой же я дурак, что испугался! Почему вы приходите и говорите мне это? Почему вы приходите и пугаете меня до смерти, когда я еду домой, к женщине, которую люблю, к девушке с чистым сердцем, в которой я уверен, как в себе самом? Почему вы приходите и пытаетесь навязать мне подобные мысли в то время, как я еду домой, к моей любимой жене?

– Вашей жене, – промолвила она. – Это меняет дело. Нет причин, чтобы мои опасения тревожили вас. Я еду в Англию, чтобы вновь соединиться с человеком, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад. Тогда он был слишком беден, чтобы жениться, и когда мне предложили должность гувернантки в богатой австралийской семье, я убедила его позволить мне согласиться, чтобы он оставался свободным и мог пробиться в жизни, пока я скопила бы немного денег для начала нашей совместной жизни. Я не думала оставаться вдали так долго, но у него ничего не ладилось в Англии.

Такова моя история, и вы можете понять мои опасения. Они не должны влиять на вас. Мой случай особый…

– Так же, как и мой, – нетерпеливо перебил ее Джордж. – Говорю вам, что мой случай особый, хотя клянусь, что вплоть до этого момента я не знал страха. Но вы правы, ваши опасения меня не касаются. Вас не было пятнадцать лет; все что угодно могло случиться за это время. Прошло только три с половиной года, как я покинул Англию. Что могло случиться за столь короткий промежуток времени?

Мисс Морли взглянула на него с печальной улыбкой, но ничего не сказала. Его пыл, свежесть и нетерпение его натуры были так странны и новы для нее, что она смотрела на него наполовину в восхищении, наполовину с жалостью.

– Моя маленькая жена! Моя мягкая, невинная, любящая маленькая жена! Вы знаете, мисс Морли, – продолжал он с былой надеждой в голосе, – что я оставил свою девочку спящей, с ребенком на руках, ничего не сказав, оставив лишь несколько строк, в которых рассказал ей, почему ее преданный муж покинул ее.

– Покинул ее! – удивилась гувернантка.

– Да. Я служил корнетом в кавалерийском полку, когда впервые встретил мою крошку. Наш полк был расквартирован в одном портовом городишке, где моя девочка жила со своим бедным старым отцом, лейтенантом в отставке на половинном жалованье; старый лицемер, бедный, как церковная мышь, и вечно ждущий своего шанса. Я видел все его

ничтожные уловки, чтобы подцепить одного из нас для его хорошенькой дочурки. Я видел все эти жалкие, презренные, видные насквозь капканы, которые он расставлял для драгунов. Я замечал его в псевдосветских обедах и портвейне из таверны; его напыщенных речах о величии его семьи; его притворной гордости и независимости; и поддельной слезе, которая затуманивала его старческие глаза, когда он говорил о своем единственном дитяти. Это был старый пьяница-лицемер, готовый продать свою бедную дочь любому, кто больше даст. К счастью для меня, я оказался в то время лучшим покупателем, так как мой отец – человек богатый, мисс Морли, и поскольку это была взаимная любовь с первого взгляда, мы сочетались браком. Тем не менее, едва мой отец узнал, что я женился на бедной девушке, не имеющей на гроша, дочери старого пьянчуги, отставного лейтенанта, он написал негодующее письмо, извещая меня, что прерывает всякую связь со мной и что мое ежегодное содержание прекращается со дня свадьбы. Поскольку я не мог жить лишь на свое жалованье, да еще содержать молодую жену, я продал патент на офицерский чин, рассчитывая жить на эти деньги, пока что-нибудь не подвернется. Я повез мою любимую в Италию, и мы роскошно жили там, пока не закончились мои две тысячи фунтов; но когда они уменьшились до двух сотен, мы вернулись в Англию; моя жена вбила себе в голову, что не может жить вдали от своего старого отца, и мы поселились в небольшом курортном местечке, где он проживал. Ну и

как только старикан услышал, что у меня остались две сотни фунтов, он проявил к нам большую любовь и настоял, чтобы мы поселились в его доме. Я согласился, чтобы угодить моей любимой, которая как раз находилась в том особенном положении, когда все ее капризы и прихоти должны исполняться. Мы поселились у него, и вскоре он выманил у нас все деньги, но когда я заговаривал об этом с женой, она только пожимала плечами и отвечала, что ей не нравится плохо относиться к «бедному папочке». Итак, «бедный папочка» мухой расправился с нашим небольшим запасом денег, и я, почувствовав необходимость что-то делать, отправился в Лондон и попытался получить место клерка в торговой конторе или бухгалтера, библиотекаря, что-нибудь в этом роде. Но, полагаю, что на мне была печать военного, и как бы я ни старался, я никого не мог заставить поверить в мои способности; и наконец, выбившись из сил, с тяжелым сердцем я вернулся к моей любимой, которая нянчила сына и наследника отцовской бедности. Бедняжка, она совсем упала духом, и когда я сказал ей, что потерпел неудачу, она не выдержала и разрыдалась, причитая, что мне не следовало жениться на ней, если я ничего не мог дать ей, кроме нищеты и горя, и что я причинил ей зло, сделав своей женой. О боже! Мисс Морли, ее слезы и упреки чуть не свели меня с ума, я проклинал ее, себя, ее отца и весь свет и потом выбежал из дома, крикнув, что никогда не вернусь. Обезумев, я бродил весь день по улицам, испытывая сильное желание броситься в море, чтобы

она была свободна и могла сделать лучшую партию. «Если я утоплюсь, отец должен будет поддерживать ее, – рассуждал я. – Старый лицемер не сможет отказать ей в приюте, но пока я жив, она не может требовать это от него». Я спустился на старую расшатанную деревянную пристань, намереваясь подождать до темноты, а затем дойти до края и броситься в море; но пока я сидел, покуривая трубку и бездумно наблюдая за чайками, на пристань спустились двое спутников, и один из них заговорил об австралийских золотодобытчиках и о том, какие великие дела там вершатся. Оказалось, он собирается отплыть туда через день-два и пытается убедить своего спутника присоединиться к нему.

Около часа я слушал их беседу, следуя за ними по причалу с трубкой во рту. Затем я вступил в разговор и узнал, что корабль, на котором собирался плыть один из путников, отходит из Ливерпуля через три дня. Этот человек сообщил мне все, что нужно, и более того, сказал мне, что такой крепкий парень, как я, наверняка преуспеет в раскопках. Мысль, озарившая меня, была так неожиданна, что кровь прихлынула к моим щекам и я затрепетал от возбуждения. В любом случае, это было лучше, чем броситься в воду. Предположим, я уеду тайком от моей любимой, оставив ее в безопасности под отцовской крышей; сколочу состояние в Новом Свете [1] и вернусь через двенадцать месяцев, чтобы бросить его к ее ногам, ибо я был такой жизнерадостный в то время, что рассчиты-

[1] Здесь и далее под «Новым Светом» имеется в виду Австралия. – *Примеч. ред.*

вал на удачу уже через год. Я поблагодарил этого человека за информацию и поздно ночью побрел домой. Стояла промозглая зимняя погода, но я не чувствовал холода, – я шел по пустынным улицам, снег летел мне в лицо, а в душе жила отчаянная надежда. Старик сидел в маленькой столовой, попивая бренди с водой, жена уже спала наверху, в спальне вместе с ребенком. Я написал ей несколько коротких строк о том, что никогда не любил ее сильнее, чем теперь, когда может показаться, что я ее покидаю; о том, что собираюсь попытать счастья в Новом Свете, и что если мне повезет, то я вернусь и привезу ей много денег, но если нет, то я больше никогда ее не увижу. Я разделил оставшиеся деньги – что-то около сорока фунтов – на две равные части, одну оставил ей, а другую положил себе в карман. Я встал на колени и помолился за свою жену и ребенка, склонив голову на белое покрывало, под которым они лежали. Я не очень верующий человек, но видит Бог, эта молитва шла от сердца. Поцеловав их, я тихонько вышел из комнаты. Дверь в столовую была открыта, старик клевал носом над газетой. Он поднял голову, услышав мои шаги, и спросил, куда я иду. «Покурить на улице», – ответил я, и так как это было моей привычкой, то он мне поверил. Через три дня я уже был в море, на судне, плывущем в Мельбурн, имея при себе только инструменты и семь шиллингов в кармане.

– И вам повезло? – спросила мисс Морли.

– Только когда я совсем отчаялся и мы с нищетой стали

старыми друзьями; так что, оглядываясь на свою прошлую жизнь, я недоумевал, неужели тот смелый, отчаянный, блестящий драгун – любитель шампанского и этот человек, сидящий на сырой земле и вгрызающийся в грунт в дебрях Нового Света, – одно и то же лицо. Я искал спасения в воспоминаниях о моей любимой, верил в ее любовь и верность, как краеугольный камень, на котором держится вся моя прошлая жизнь – единственная звезда, которая светила мне в непроглядной ночи будущего. Мне довелось столкнуться со злыми людьми, я находился в самом центре разгула, пьянства и разврата, но моя чистая любовь хранила меня от этого всего. Худой и изможденный, полуголодная тень того, кем я однажды был, – вот что я увидел как-то в небольшом осколке зеркала и испугался собственного лица. Но я все выдержал; через разочарование и отчаяние, ревматизм, лихорадку, голод, у самых врат ада я продолжал упорно идти вперед, и в конце я одержал победу.

От него исходила такая энергия и сила воли, гордый триумф успеха, что бледная гувернантка взглянула на него в удивленном восхищении.

– Какой вы храбрый! – воскликнула она.

– Храбрый! – радостно рассмеялся он. – Но разве я трудился не для своей любимой? За все это время тяжких испытаний разве не ее белая ручка манила меня вперед, к счастливому будущему? Я видел ее рядом с собой в палатке с мальчиком на руках так же ясно, как в единственный счастливый

год нашей совместной жизни. Наконец, в одно туманное сырое утро, как раз три месяца назад, когда моросящий дождь промочил меня насквозь, полуголодный, обессиленный лихорадкой и ревматизмом, я откопал огромных размеров самородок и наткнулся на золотую жилу. Месяц спустя я уже был самым богатым человеком в нашей маленькой колонии. На почтовой карете я добрался до Сиднея, реализовал мое золото, которое стоило двадцать тысяч фунтов, и уже через четыре недели отправился в Англию на этом корабле, и через десять дней – через десять дней я увижу мою любимую.

– Но за все это время вы ни разу не написали вашей жене?

– Нет, только за неделю до отплытия. Я не мог написать ей, когда все было так плохо. Я не мог написать ей о моей борьбе с отчаянием и смертью. Я ждал, когда ко мне придет удача, и когда это произошло, я сообщил ей, что буду в Англии почти одновременно с письмом, и дал ей адрес одного кафе в Лондоне, где она могла бы оставить известие для меня, хотя весьма маловероятно, что она покинула отцовский дом.

Он снова впал в задумчивость, попыхивая своей сигарой. Его спутница не мешала ему. Угас последний луч солнца, их освещал только тусклый свет молодого месяца.

Вскоре Джордж Толбойс отшвырнул сигару и, повернувшись к гувернантке, отрывисто сказал:

– Мисс Морли, если, добравшись до Англии, я узнаю, что с моей женой что-нибудь случилось, я умру на месте.

– Мой дорогой мистер Толбойс, зачем думать об этом? Господь милостив к нам, он не причинит нам горя больше, чем мы сможем вынести. Возможно, все представляется мне в слишком мрачном свете, так как жизнь моя однообразна и у меня оставалось много времени для размышлений о моих тревогах.

– А вся моя жизнь состояла в действии, лишениях, тяжком труде, надежде и отчаянии; у меня совсем не было времени думать о том, что может случиться с моей любимой. Как я был слеп и беспечен! Три с половиной года – и ни строчки, ни одного слова от нее или любого, кто ее знает! О боже! Ведь могло произойти все, что угодно!

Он возбужденно мерил шагами пустынную палубу, гувернантка пыталась его утешить.

– Клянусь вам, мисс Морли, – промолвил он, – что до тех пор, пока вы не заговорили со мной сегодня вечером, у меня не было ни тени страха, а сейчас мое сердце болезненно сжимается от тревоги. Пожалуйста, оставьте меня одного.

Она молча отошла от него и уселась у другого борта корабля, печально устремив взор на волны.

Глава 3. Спрятанные реликвии

То же августовское солнце, что садилось за морские воды, освещало тусклым красным светом циферблат старых часов над увитой плющом аркой, что вела в сады Одли-Корта.

Неистовый багровый закат. Средники окон и мерцающие решетки сияли в пламенном великолепии, угасающий свет вспыхивал на листьях лип в аллее и превратил неподвижную гладь пруда в сверкающую полированную медь; даже в темную чашу кустарника, среди которого укрылся колодец, прерывистыми вспышками проникало багровое сияние так, что казалось, будто трава, ржавое железное колесо и полуразвалившийся сруб колодца покрыты пятнами крови.

Мычание коров на лугу, всплеск форели в пруду, последние трели птиц, скрип колес на отдаленной дороге время от времени нарушали вечернюю тишину и делали ее более напряженной. Это безмолвие в сумерках было почти гнетущим; чудилось, будто где-то внутри обвитой плющом громады дома лежит труп – такая мертвая тишина царила кругом.

Когда часы над аркой пробили восемь, задняя дверь дома тихонько отворилась и из дома выскользнула девушка.

Но даже присутствие живого существа не нарушало тишины, так как девушка бесшумно кралась по густой траве, и углубившись в аллею со стороны пруда, исчезла под густой тенью лип.

Ее нельзя было назвать хорошенькой, она обладала внешностью, которую обычно зовут «интересной». И она, пожалуй, и вправду была интересной: ее бледное лицо, светлые серые глаза, мелкие черты лица и сжатые губы указывали на силу воли и самообладание, необычные в девушке девятнадцати-двадцати лет. Она могла бы быть хорошенькой, если бы не один недостаток в ее маленьком овальном лице. Этот недостаток заключался в полном отсутствии красок. На ее бледных восковых щеках не было и тени румянца; ни один черный или коричневый оттенок не коснулся ее белесых бровей и ресниц; в ее тусклых льняных волосах не было и намека на золотисто-каштановый или рыжеватый тона. Тот же недостаток красок был заметен и в ее платье: бледно-лавандовый муслин выцвел до серого цвета, также бесцветна была и лента, повязанная вокруг ее шеи.

У девушки была тонкая, хрупкая фигура, и несмотря на скромное платье, она обладала грацией и осанкой благородной дамы; и тем не менее она была простой деревенской девушкой, по имени Феба Маркс, которая работала няней в семье мистера Доусона и кого леди Одли взяла к себе в горничные после того, как вышла замуж за сэра Майкла.

Несомненно, это было большой удачей для Фебы, заработок которой утроился, а работа была легкой в хорошо устроенном домохозяйстве Корта; таким образом, она так же стала объектом зависти, как и госпожа в высших кругах.

Мужчина, сидевший на обвалившемся деревянном срубе

колодца, встрепенулся, когда служанка госпожи вышла из тени лип и встала перед ним посреди травы и кустарника.

Я уже говорила, что это было уединенное местечко, закрытое со стороны сада, – его можно было увидеть только из окон мансарды крыла дома.

– Феба, – заговорил мужчина, складывая нож, которым он остругивал столбик для забора, – ты подкралась ко мне так тихо и незаметно, что я подумал, уж не злой ли ты дух. Я шел дальней дорогой через поля и решил здесь отдохнуть, прежде чем зайти в дом.

– Из окна моей спальни виден колодец, Люк, – ответила Феба, показывая на открытое решетчатое окошко на одном из фронтонов. – Я увидела, как ты тут сидишь, и спустилась поболтать; лучше поговорить здесь, чем в доме, где повсюду полно ушей.

Люк был крупный, широкоплечий, глуповатый на вид деревенский увалень около двадцати трех лет. Его темно-рыжие волосы низко нависали надо лбом, из-под сросшихся густых бровей сверкали зеленовато-серые глаза, нос был большой и прямой и в очертаниях рта было что-то грубое и хищное. Румяный, рыжий, с бычьей шеей он не был лишен сходства с крепкими быками, что паслись на лугах Корта.

Девушка присела рядом с ним на деревянный сруб и одной рукой обняла его за толстую шею.

– Ты хоть рад меня видеть, Люк? – спросила она.

– Конечно, козочка, – неуклюже ответил он, снова откры-

вая нож и продолжая остругивать кол для забора.

Они были двоюродными братом и сестрой, в детстве вместе играли, а в юности полюбили друг друга.

– На вид ты не больно-то рад, – заметила девушка. – Ты бы хоть посмотрел на меня, Люк, и сказал, пошло ли путешествие мне на пользу.

– Румянца оно тебе не прибавило, это уж точно, – ответил он, взглянув на нее из-под низко нависших бровей. – Ты все такая же бледная.

– Но говорят, что путешествие делает людей светскими, Люк. Я была в Европе с госпожой в разных интересных местах, и ты знаешь, в детстве дочери сквайра Гортена немного учили меня говорить по-французски, и было здорово, что за границей я могла разговаривать.

– Светскими! – хрипло рассмеялся Люк. – Да кому нужно твое благородство, хотел бы я знать? Во всяком случае, не мне; когда ты станешь моей женой, у тебя останется не очень-то много времени для благородных манер. Скажет тоже – французский! Когда мы скопим денег, чтобы купить ферму, ты, наверно, будешь парлевукать с коровами?

Она закусила губу и отвела взгляд в сторону. Он продолжал остругивать свою деревяшку, что-то насвистывая себе под нос и больше ни разу не взглянув на нее.

Некоторое время они сидели молча, но затем она снова заговорила, все еще не глядя на своего собеседника:

– Как чудесно было мисс Грэхем путешествовать со слу-

жанкой и с посыльным, в собственном экипаже, и с мужем, который считает, что ни одно место на земле недостойно того, чтобы туда ступила ее нога!

– О, Феба, чудесно иметь кучу денег, – ответил Люк. – И я надеюсь, дорогуша, это убедит тебя откладывать свое жалованье, чтобы нам пожениться.

– И что она из себя представляла в доме мистера Доусона всего три месяца назад? – продолжала девушка, как будто не слыша слов своего кузена. – Разве не была она такой же прислугой, что и я? Получала жалованье и много за него работала, пожалуй, больше меня. Видел бы ты ее старую одежду, Люк, – изношенную, заплатанную и перелицованную, – и все-таки всегда аккуратную. Она платит мне больше, чем получала сама у мистера Доусона. Да я видела, как она выходила из гостиной с несколькими соверенами и кучкой серебра в руке, которые ее хозяин только что заплатил ей, – и посмотрите на нее сейчас!

– Да не бери ты в голову, – посоветовал Люк, – подумай о себе, Феба, это все, что тебе нужно. Как насчет того, чтобы купить небольшую таверну, а? На ней можно заработать кучу денег.

Девушка сидела все так же, отвернувшись от своего любовника, положив руки на колени и пристально глядя на последний пурпурный луч, угасающий за стволами деревьев.

– Тебе бы посмотреть дом внутри, Люк, – сказала она. – Снаружи он малость невзрачный, но видел бы ты комнаты

госпожи – сплошь картины и позолота, и огромное зеркало от пола до потолка. А разрисованные потолки, что стоят сотни фунтов, экономка сказала мне, и все это сделано для нее.

– Повезло ей, – пробормотал Люк с ленивым безразличием.

– А видел бы ты ее за границей, около нее всегда ошивалась куча поклонников, а сэр Майкл совсем не ревновал ее, он только гордился, что ею так восхищаются. Слышал бы ты, как она смеялась и разговаривала с ними, швыряя им обратно все их комплименты и красивые речи, как букеты роз. Где бы она ни появилась, все сходили по ней с ума. Ее пение, ее игра, ее рисунки, ее танцы, ее прекрасная улыбка! Где бы мы ни останавливались, она была в центре всех разговоров.

– Сегодня она дома?

– Нет, она уехала с сэром Майклом на обед к Бичерам. Это семь или восемь миль отсюда, так что они не вернутся раньше одиннадцати.

– Тогда вот что я тебе скажу, Феба, если внутри дома такое великолепие, мне бы хотелось посмотреть на него.

– Тогда пойдем. Миссис Бартон, экономка, знает тебя в лицо и не будет возражать, чтобы я показала тебе лучшие комнаты.

Почти стемнело, когда они вышли из кустарника и не спеша направились к дому. Дверь, через которую они вошли, вела в служебное помещение, где находилась и комната экономки. Феба на минутку остановилась, чтобы спросить ее,

можно ли ей показать кузену некоторые из комнат, и, получив согласие, зажгла свечу от лампы в холле, и повела за собой Люка в другую часть дома.

Длинные коридоры из черного дуба темнели в призрачных сумерках; свеча, которую несла Феба, оставляла лишь бледное пятно света в широких переходах, через которые вела Феба своего кузена. То и дело Люк подозрительно оглядывался, наполовину испуганный скрипом собственных ботинок.

– Страшноватое местечко, Феба, – заметил он, когда они переходили из коридора в главный зал, еще не освещенный. – Слышал я, в прежние времена здесь было убийство.

– Что до этого, то в наше время тоже хватает убийств, Люк, – ответила девушка, поднимаясь по лестнице.

Она вела его через огромную гостиную, обитую атласом и всю уставленную бронзовыми статуэтками, камеями, инкрустированными столами и всевозможными безделушками, блестевшими в сумеречном свете; затем через утреннюю комнату, увешанную гравюрами и ценными картинами, а оттуда в прихожую, где она наконец остановилась, высоко подняв свечу.

Молодой человек, открыв рот, озирался кругом.

– Это и вправду редкое место, – изрек он, – и должно быть, стоит немало денег.

– Посмотри на картины, – предложила Феба, глядя на стены восьмиугольной комнаты, увешанные Клодом, Пуссеном,

Воуверманом и Кейпом. – Я слышала, что только одни картины стоят целое состояние. Это вход в апартаменты госпожи, то есть мисс Грэхем.

Она подняла тяжелую зеленую портьеру, висевшую у двери, и ввела ошеломленного сельчанина в сказочной красоты будуар, а оттуда в гардеробную, где открытые двери шкафов и груда платьев, сваленных в кучу на диване, указывали на то, что комната оставалась в том же виде, в каком ее покинула хозяйка.

– Мне нужно убрать все до возвращения госпожи, Люк, ты можешь пока присесть где-нибудь, я быстро.

Ее кучер неуклюже огляделся, смущенный роскошью комнаты, и после некоторого колебания выбрал самый прочный из стульев и осторожно уселся на самый его край.

– Мне бы хотелось показать тебе драгоценности, Люк, – сказала девушка, – но я не могу, потому что она всегда носит ключи с собой, а шкатулка здесь, стоит вон там, на туалетном столике.

– Что, вот эта? – воскликнул Люк, глядя во все глаза на массивную шкатулку из орехового дерева, инкрустированную медью. – Да она такая здоровая, что в ней поместилась бы вся моя одежда!

– И она полным-полна бриллиантов, рубинов, жемчуга и изумрудов, – ответила Феба, сворачивая шуршащие шелковые платья и укладывая их, одно за другим, на полки шкафа. Встряхивая оборки последнего платья, она услышала, как

что-то звякнуло, и засунула руку в карман.

– Ну, скажу я вам! – воскликнула она. – В первый раз госпожа забыла ключи в кармане. Я покажу тебе драгоценности, если хочешь, Люк.

– Ну, я бы не отказался поглядеть на них, крошка, – откликнулся он, поднимаясь со стула и держа свечу, пока девушка отпирала шкатулку.

Увидев украшения, которые блестели на белых атласных подушечках, у него невольно вырвался возглас удивления. Ему хотелось подержать в руках эти изящные драгоценности, потрогать их, определить их стоимость.

– Одна из этих бриллиантовых штучек могла бы обеспечить нас на всю жизнь, Феба, – сказал он, поигрывая браслетом.

– Положи его, Люк! Немедленно положи на место! – закричала девушка, испугавшись. – Как ты можешь говорить об этом?

С сожалением вздохнув, он положил браслет на место и продолжал осматривать шкатулку.

– А это что? – спросил он вскоре, показывая на медную кнопку в обрамлении шкатулки.

Он нажал на нее, и из шкатулки выскочил потайной ящичек, обитый пурпурным бархатом.

– Глянь-ка! – воскликнул Люк, довольный своей находкой.

Феба Маркс, отбросив платье, которое сворачивала, подо-

шла к туалетному столику.

– Я этого раньше не видела, – удивилась она. – Интересно, что там?

Там не было ни золота, ни драгоценностей, всего лишь шерстяные пинеточки младенца, завернутые в бумагу, и небольшой локон шелковистых светлых волос, явно детских. Феба широко раскрыла свои серые глаза, увидев содержимое свертка.

– Так вот что прячет госпожа в потайном ящике, – пробормотала она.

– Странно, что она хранит такую ерунду, – небрежно заметил Люк.

Тонкие губы девушки изогнулись в ехидной улыбке.

– Ты свидетель, где я нашла это, – промолвила она, кладя небольшой сверток в свой карман.

– Феба, ты совсем сдурела, что ли? – закричал молодой человек.

– Я лучше возьму это, чем бриллиантовый браслет, приглянувшийся тебе, – ответила она. – У тебя будет таверна, Люк.

Глава 4. На первой странице «Таймс»

Предполагалось, что Роберт Одли будет адвокатом. Как адвокат он был занесен в Список Судейского Сословия, как адвокат, он имел квартиру на Фигтри-Корт, в Темпле, и как адвокат, он поедал предназначенное количество обедов, что является великим суровым испытанием, через которое будущий юрист пробивается к славе и удаче. Если все это может сделать из мужчины юриста, то Роберт Одли решительно стал таковым. Но он никогда не вел дела в суде, и не пытался его получить, и вообще не желал этим заниматься в течение тех пяти лет, когда его имя значилось на одной из дверей Фигтри-Корта. Это был красивый, ленивый, беззаботный молодой человек около двадцати семи лет, единственный сын младшего брата сэра Майкла Одли. Его отец оставил ему четыреста фунтов годового дохода, которые его друзья посоветовали ему умножить, получив право адвокатской практики; и поскольку после должного размышления он пришел к выводу, что для него гораздо более хлопотно противиться желанию друзей, чем поедать множество обедов и иметь апартаменты в Темпле, то он все-таки последовал их совету и без зазрения совести стал называть себя адвокатом.

Иногда, когда бывало очень жарко, и усилия, затраченные им на курение своей немецкой трубки и чтение французских

романов, вконец изнуряли его, Роберт брел в сады Темпла, и устроившись в каком-нибудь тенистом местечке, с расстегнутым воротником и в голубом шелковом платке, небрежно повязанном вокруг шеи, рассказывал сидящим рядом старшинам юридической корпорации, что он совершенно выбился из сил.

Хитрые старые законники посмеивались, слушая эти бабушкины сказки, но все соглашались, что Роберт Одли был славный малый, щедрый, довольно-таки любопытный парень, под равнодушным и нерешительным видом которого скрывался острый ум и добрый юмор. Человек, который никогда не преуспеет, но не обидит и мухи. Действительно, его квартира превратилась в самую настоящую собачью конуру, так как у него была привычка приводить домой всех бездомных и заблудившихся жучек, которые приглянулись ему на улице и подобострастно бежали за ним, виляя хвостом.

Роберт всегда проводил сезон охоты в Одли-Корте, но не потому, что был заядлым охотником; он предпочитал спокойно скакать трусцой на толстой гнедой лошадке со спокойным нравом и держаться подальше от лихих наездников, его лошадь тоже знала, что он меньше всего хотел быть подстреленным на охоте.

Молодой человек был большим любимцем своего дяди и пользовался благосклонностью своей хорошенькой смуглолицей, ветреной кузины-сорванца, мисс Алисии Одли. Со стороны могло показаться, что стоило бы больше поощрять

склонность молодой леди – единственной наследницы прекрасного имения, но это даже в голову не приходило Роберту Одли. Алисия – очень хорошая девушка, говорил он, веселая, одна из тысячи, но не более того. Мысль обратить девичью привязанность своей кузины во что-либо серьезное никогда не приходила в его ленивую голову. Я даже сомневаюсь, имел ли он представление о размерах состояния своего дяди, и я уверена, что он никогда не подсчитывал, какая его часть в конечном счете перейдет к нему.

Поэтому когда в одно весеннее утро, за три месяца до описываемых мною событий, почтальон принес ему извещение о свадьбе сэра Майкла и леди Одли, вместе с возмущенным письмом от кузины о том, что ее отец только что женился на молодой особе с кукольным лицом, не старше, чем сама Алисия, в кудряшках и постоянно глупо хихикающей (с сожалением я должна заметить, что из-за своей неприязни именно так мисс Одли описывала музыкальный смех, которым все так восхищались в Люси Грэхем), – итак, когда эти послания достигли Роберта Одли, они не вызвали ни раздражения, ни изумления у сего флегматичного джентльмена. Он прочитал сердитое письмо Алисии, не вынимая изо рта янтарного мундштука своей трубки. Завершив чтение этого послания и подняв свои черные брови до середины лба (кстати, его единственная манера выражать удивление), он выбросил и письмо и открытку в корзину для мусора и, положив трубку, приготовился затратить умственную энергию на обдумыва-

ние сей оказии.

– Я всегда знал, что этот старикашка в конце концов женится, – пробормотал он после получасового размышления. – Алисия и госпожа, то есть мачеха, сцепятся, как кошка с собакой. Я надеюсь, они не будут ссориться в сезон охоты или ругаться за обеденным столом: скандалы всегда вредят пищеварению.

Около двенадцати часов на следующее утро после той ночи, когда происходили события, описанные в предыдущей главе, племянник баронета держал свой путь из Темпла через Блэксфайрсворд в Сити. В трудный час он сделал одолжение одному нуждающемуся другу, поставив древнее имя Одли на поручительстве, а поскольку по векселю не было уплачено, то рассчитываться призвали Роберта. С этой целью ему и пришлось прогуляться вверх по Ладгейт-Хилл, а оттуда в освежающе прохладный банковский дом в тенистом дворе за собором Святого Павла, где он утешился, освободившись от двух сотен фунтов.

Он задержался на углу, поджидая свободный кэб, который доставил бы его обратно в Темпл, когда его почти сбил с ног человек, такой же молодой, как и он, несущийся стремглав в узкий переулок.

– Будьте так любезны смотреть, куда вы идете, дружище, – мягко пристыдил Роберт порывистого прохожего. – Могли бы и предупредить человека, прежде чем свалить его с ног и потоптаться на нем.

Незнакомец вдруг остановился и пристально посмотрел на Роберта, задохнувшись от неожиданности.

– Боб! – удивился он. – Только вчера вечером я ступил на британскую землю, и подумать только, именно тебя я встречаю сегодня утром!

– Я вас как будто где-то видел, мой бородатый друг, – сказал мистер Одли, не спеша вглядываясь в оживленное лицо незнакомца, – но пусть меня повесят, если я помню где и когда.

– Что! – воскликнул незнакомец с упреком. – Не хочешь ли ты сказать, что забыл Джорджа Толбойса?

– Ну конечно же, нет! – промолвил Роберт с чувством и затем, взяв своего друга под руку, повел его в тенистый двор, разговаривая уже своим обычным безразличным тоном. – А теперь, Джордж, поведай мне свою историю.

И Джордж «поведал» ему свою историю. Он рассказал ему то же, что услышала бледная гувернантка на борту «Аргуса», и затем, почти не дыша от волнения сообщил, что в кармане у него целая пачка австралийских банкнот, которые он хотел поместить в банк к господам таким-то, бывшими его банкирами много лет назад.

– Ты мне не поверишь, но я только что вышел из их счетной конторы, – сказал Роберт. – Я пойду с тобой, и мы уладим это дело за пять минут.

Они действительно успели устроить все за четверть часа, и затем Роберт Одли предложил немедленно отправиться в

«Корону и скипетр» или в «Замок», где они могли бы пообедать и поговорить о старых добрых временах, когда вместе учились в Итоне. Но Джордж сказал своему другу, что прежде чем он пойдет куда-либо, прежде чем он побреется или просто как-нибудь освежится после ночного путешествия на экспрессе из Ливерпуля, он должен заглянуть в одно кафе на Бридж-стрит в Вестминстере, где его должно было ожидать письмо от жены.

– Тогда я пойду с тобой, – решил Роберт. – Подумать только, у тебя есть жена, Джордж, какая нелепая шутка.

Когда они вихрем неслись в кэбе через Ладгейт-Хилл, Флит-стрит и Стрэнд, Джордж Толбойс изливал своему другу все те невероятные надежды и мечты, которые так захватили его жизнерадостную натуру.

– У меня будет дом на берегу Темзы, Боб, – радовался он, – для моей маленькой жены и для меня, и у нас будет яхта, Боб, дружище, ты будешь лежать на палубе и курить, а моя женушка играть на гитаре и петь для нас.

Официанты в кафе на Вестминстер уставились на небритого, с запавшими глазами незнакомца в одежде колониального покроя, возбужденного и шумного; но он был завсегдатаем этого местечка в годы своей военной службы, и услышав, кто он, официанты немедленно бросились исполнять его просьбу.

Он хотел немного – бутылку содовой воды и узнать, нет ли писем на имя Джорджа Толбойса.

Официант принес воду прежде, чем молодые люди уселись в укромном уголке у камина. Нет, на это имя не было писем.

Официант произнес это равнодушным тоном, вытирая маленький столик из красного дерева.

Лицо Джорджа стало белым, как мел.

– Толбойс, – повторил он. – Возможно, вы не расслышали – *Толбойс*. Идите и посмотрите еще раз, письмо *должно* быть.

Официант пожал плечами, выходя из комнаты, и вернулся почти сразу же с известием, что не было даже похожего имени в отделении для писем. Там были только Браун, Сандерсон и Пинчбек, только три письма.

Молодой человек в молчании выпил воду и затем, облокотившись о стол, закрыл лицо руками. Роберт Одли понял, что это разочарование, каким бы пустяковым ни показалось на первый взгляд, в действительности было очень горьким. Он сел напротив друга, но не пытался заговорить с ним.

Наконец Джордж поднял голову, и машинально взяв вчерашний номер «Таймс» из кипы журналов на столе, уставился на первую страницу невидящим взглядом.

Не могу сказать, сколько он просидел так, глядя на один параграф в списке смертей, прежде чем до его ошеломленного мозга дошло его значение; но после значительной паузы он подтолкнул газету к Роберту Одли и с лицом, изменившимся от бронзового загара до болезненной, серой белизны,

и с ужасающим спокойствием указал пальцем на строчку:

«24-го числа сего месяца в Вентноре, Элен Толбойс, в возрасте 22 лет».

Глава 5. Надгробие в Вентноре

Да, там действительно значилось – «Элен Толбойс, в возрасте 22 лет».

Когда Джордж говорил гувернантке на борту «Аргуса», что если он услышит какие-либо дурные вести о жене, то упадет замертво, он говорил чистую правду; и вот они были налицо, наихудшие известия, а он сидел неподвижный, бледный и беспомощный, глядя на удивленное лицо своего друга.

Неожиданность удара оглушила его. В своем странном и смущенном состоянии ума он начал недоумевать, что же случилось, и почему всего одна строчка в «Таймс» имела такое ужасное воздействие на него.

Затем, когда мало-помалу это смутное осознание своего горя исчезло, реальность с болью вторглась в его мозг.

Жаркое августовское солнце, грязные подоконники и потрепанные шторы, кипа игровых счетов, приколотых к стене; потухший камин, лысоватый старик, склонившийся над «Морнинг эдвертайзер»; неряшливый официант, сворачивающий скатерть, и красивое лицо Роберта Одли, устремленное на него с состраданием и тревогой. Ему показалось, что все вокруг него вдруг приняло огромные размеры и затем, одно за другим, слилось в темные пятна, плывущие перед его глазами. В его ушах раздался страшный шум, как от дюжины пароходных двигателей, и последнее, что он услышал, был

звук падающего тела.

Он открыл глаза в сумерках в прохладной затененной комнате, тишину которой нарушал только грохот экипажей вдалеке.

Он огляделся в недоумении. Его друг, Роберт Одли, сидел рядом и курил. Джордж лежал на низкой железной кровати, напротив открытого окна, на подоконнике стояли ваза с цветами и клетки с птичками.

– Тебя не беспокоит моя трубка, Джордж? – спокойно спросил его друг.

– Нет.

Он лежал некоторое время, глядя на цветы и птиц: канарейки пели звонкий гимн заходящему солнцу.

– Тебя не раздражают птицы, Джордж? Вынести их из комнаты?

– Нет, мне нравится их пение.

Роберт Одли выбил пепел из трубки, положил ее аккуратно на каминную полку и, выйдя в соседнюю комнату, вскоре вернулся с чашкой крепкого чая.

– Выпей это, Джордж, – сказал он и поставил чашку на маленький столик рядом с кроватью, – это тебе поможет.

Молодой человек не ответил, медленно оглядел комнату, затем перевел взгляд на мрачное лицо друга.

– Боб, – спросил он, – где мы?

– В моей квартире, дружище, в Темпле. У тебя нет своего жилища, поэтому ты можешь остаться у меня, пока ты в

городе.

Джордж провел ладонью по лбу, и, запинаясь, спросил:

– Та газета, утром, Боб, что это было?

– Не будем сейчас об этом, лучше выпей чаю.

– Да, да, – нетерпеливо вскричал Джордж, приподнимаясь с кровати и широко открыв глаза. – Я вспомнил. Элен, моя Элен! Моя жена, моя возлюбленная, моя единственная любовь! Мертва! Мертва!

– Джордж, – промолвил Роберт Одли, мягко положив ладонь на руку молодого человека, – ты должен помнить, что женщина, чье имя ты увидел в газете, может быть не твоя жена. Может быть, это какая-нибудь другая Элен Толбойс.

– Нет, нет! – воскликнул он. – Возраст совпадает, и фамилия Толбойс не такая уж распространенная.

– Могла быть опечатка.

– Нет, нет, нет, моя жена мертва!

Он стряхнул руку Роберта и, встав с кровати, пошел к двери.

– Куда ты идешь? – воскликнул его друг.

– В Вентнор, увидеть ее могилу.

– Не сегодня вечером, Джордж, не сегодня. Я сам поеду с тобой первым же поездом завтра утром.

Роберт вернул его к кровати и мягко заставил снова лечь. Затем он дал ему настойку опиума, оставленную врачом, которого вызвали в кафе на Бридж-стрит, когда Джордж упал в обморок.

Итак, Джордж провалился в тяжелый сон, и ему снилось, что он поехал в Вентнор, нашел свою жену живой и невредимой, но старой, седой и морщинистой, а своего сына совсем взрослым.

Рано утром он уже сидел напротив Роберта Одли в нагоне первого класса поезда, который мчался в Портсмут.

Они ехали из Райда в Вентнор в экипаже под палящим солнцем. Когда молодые люди выходили из кареты, все окружающие глазели на белое, как мел, лицо Джорджа и его бороду.

– Что нам теперь делать, Джордж? – спросил Роберт Одли. – У нас нет ни одной зацепки, чтобы найти тех, кого мы ищем.

Молодой человек смущенно и жалко взглянул на него. Огромный драгун был беспомощен, как ребенок, и Роберт Одли, самый нерешительный и безвольный человек на свете, понял, что действовать должен он.

– Может быть, нам лучше поспрашивать в гостинице о миссис Толбойс, Джордж? – предложил он.

– Фамилия ее отца Мэлдон, – пробормотал Джордж – Он никогда не отпустил бы ее сюда умирать в одиночестве.

Больше ничего не было сказано, и Роберт сразу же пошел в гостиницу, где справился о некоем мистере Мэлдоне.

– Да, – сказали ему, – в Вентноре останавливался джентльмен с такой фамилией, его дочь недавно умерла. Официант сейчас узнает адрес.

В это время года гостиница была переполнена, множество людей заходило и выходило, в вестибюле суетились официанты и конюхи.

Джордж Толбойс прислонился к стене с тем же выражением лица, так напугавшим его друга в кафе на Вестминстер.

Подтвердилось худшее. Его жены, дочери капитана Мэлдона, не было в живых.

Официант вернулся через пять минут и сообщил, что капитан Мэлдон снимает коттедж номер 4 на Лэндсдаун.

Они легко нашли этот обшарпанный домишко с кривыми оконцами, выходящими на море.

– Дома ли капитан Мэлдон? Нет, – ответила домохозяйка, – он пошел погулять на пляж с маленьким внуком. Не войдут ли джентльмены внутрь и присядут?

Джордж прошел, как сомнамбула, за своим другом в маленькую гостиную – пыльную, убого обставленную, неубранную, где повсюду были разбросаны детские игрушки и стоял застарелый запах табака.

– Посмотри! – сказал Джордж, указывая на картину, висевшую над камином.

На ней был изображен он в годы военной службы. Портрет был очень похож: Джордж в военной форме, на заднем плане его боевой конь.

Роберт Одли оказался мудрым утешителем. Не сказав ни слова растроганному вдовцу, он спокойно уселся спиной к Джорджу и смотрел в открытое окно.

Некоторое время молодой человек беспокойно бродил по комнате, дотрагиваясь до безделушек, разбросанных повсюду.

Ее рабочая корзинка с незаконченным шитьем; ее альбом, куда он своим корявым почерком записывал стихи Байрона; книги, которые он дарил ей, и букет сухих цветов в вазе, привезенной из Италии.

– Ее портрет висел рядом с моим, – пробормотал он. – Интересно, где он?

Следующие полчаса протекли в молчании, которое нарушил Джордж:

– Надо бы повидать домохозяйку, хотелось бы спросить ее о…

Он не выдержал и спрятал лицо в ладони.

Роберт позвал хозяйку дома. Это было добродушное, словоохотливое существо. Она давно привыкла к болезни и смерти, поскольку многие ее постояльцы приезжали сюда умирать. Она рассказала все подробности о последних днях миссис Толбойс, как она приехала в Вентнор всего лишь за неделю до своей смерти, когда ее болезнь быстро прогрессировала, и как день за днем она медленно, но верно угасала от неизлечимого недуга.

– Был ли джентльмен родственником умершей? – спросила она Роберта Одли в то время, как Джордж громко рыдал.

– Да, это ее муж.

– Что! – воскликнула женщина. – Тот самый, который так

жестоко покинул ее с ребенком на руках на попечение старого отца? Капитан Мэлдон часто рассказывал мне об этом со слезами на глазах.

– Я не покинул ее! – воскликнул Джордж.

И затем он рассказал историю своей трехлетней борьбы.

– Она говорила обо мне? – спросил он. – Она спрашивала обо мне… в конце?

– Нет, она отошла совсем тихо. С самого начала она мало говорила, но в последний день она никого не узнавала, даже своего маленького мальчика и бедного отца, который сходил с ума от горя. Вдруг она стала как помешанная, заговорила о своей матери и о том, как ужасно умирать в чужих краях, было так жалко ее слушать.

– Ее мать умерла, когда она была ребенком, – удивился Джордж. – Подумать только, что она вспомнила именно о ней и ни разу обо мне.

Женщина провела его в небольшую спальню, где умерла его жена. Он упал на колени перед кроватью и нежно целовал подушку. Хозяйка плакала, глядя на него.

Пока он стоял на коленях, возможно молясь, зарывшись лицом в подушки, женщина достала что-то из ящика комода. Когда он встал, она подала ему длинный локон волос, завернутый в бумагу.

– Я срезала его, когда она лежала в гробу, – сказала она. – Бедняжка!

Он прижал мягкий локон к губам.

– Да, – шептал он, – это мои любимые волосы, которые я так часто целовал, когда ее голова лежала на моем плече. Но тогда они были вьющиеся, а сейчас кажутся гладкими и прямыми.

– Они меняются от болезни, – заметила домохозяйка. – Если вы хотите посмотреть, где ее похоронили, мой сынишка покажет вам дорогу.

Итак, Джордж Толбойс и его верный друг пришли к тому тихому месту, где под могильным холмом, на котором еще не успели прижиться кусочки свежего дерна, лежала та, чью приветливую улыбку так жаждал увидеть Джордж в далекой колонии.

Роберт оставил молодого человека у края свежей могилы и, вернувшись через четверть часа, увидел, что его друг все так же неподвижен.

Вскоре он поднял глаза и спросил, есть ли в окрестностях какой-нибудь каменщик, он хотел сделать заказ.

Они легко нашли мастера, и сидя в его дворе, среди обломков камней, Джордж Толбойс написал карандашом короткую надпись для надгробия своей скончавшейся жены:

> «Посвящается памяти незабвенной Элен, возлюбленной жене Джорджа Толбойса, почившей в августе, 24-го дня, 1857 года, в возрасте 22 лет. Безутешный супруг».

Глава 6. Прочь из этих мест

Когда они вернулись в коттедж на Лэндсдаун, то обнаружили, что старик еще не вернулся, и спустились на пляж поискать его. После недолгих поисков они увидели его: он сидел на груде гальки, читал газету и жевал бутерброды. Неподалеку играл маленький мальчик – копал что-то в песке деревянной лопаточкой. Траурный креп на поношенной шляпе старика и маленький черный сюртучок ребенка болью отозвались в сердце Джорджа. Куда бы он ни взглянул, повсюду находил подтверждение своего горя.

– Мистер Мэлдон, – позвал он, приближаясь к своему тестю.

Старик поднял глаза и, уронив газету, встал с гальки, церемонно поклонившись. Его блеклые, светлые волосы тронула седина, у него был нос с горбинкой, бледные голубые глаза и безвольный рот; одежда, хоть и поношенная, носила следы аристократического щегольства: на застегнутом на все пуговицы жилете болтался монокль, и в руке он держал трость.

– Господи боже! – воскликнул Джордж. – Неужели вы не узнаете меня?

Мистер Мэлдон встрепенулся, и лицо его покрылось красными пятнами, в глазах появилось испуганное выражение, когда он узнал своего зятя.

– Мой дорогой мальчик, – заговорил он, – я не узнал, с первого взгляда не узнал: борода так меняет внешность. Вы не находите, что борода сильно меняет человека, сэр? – обратился он к Роберту.

– О боже мой! – воскликнул Джордж в нетерпении. – Так-то вы встречаете меня? Я приезжаю в Англию и узнаю, что моя жена умерла за неделю до того, как причалил мой корабль, а вы начинаете болтать какой-то вздор о моей бороде – вы, ее отец!

– Истинно! Истинно! – пробормотал старик, вытирая свои красные глаза. – Такое горе, такое горе, мой дорогой Джордж. Если бы вы только приехали неделей раньше.

– Если бы я приехал раньше, – закричал Джордж в приступе горя, – я бы не дал ей умереть. Я бы боролся за нее со смертью! О боже! Почему «Аргус» не пошел ко дну, прежде чем я дожил до этого дня?

Он быстро зашагал по пляжу, его тесть беспомощно смотрел на него, вытирая платком старческие глаза.

«У меня сильное подозрение, что старикан не очень хорошо обходился со своей дочерью, – подумал Роберт. – Не знаю почему, но, кажется, он боится Джорджа».

Пока возбужденный молодой человек в приступе отчаяния мерил пляж шагами, мальчик подбежал к деду и прижался к нему.

– Пойдем домой, дед, пойдем домой, – позвал он. – Я устал.

Джордж Толбойс обернулся, услышав детский голосок, и пристально посмотрел на мальчика.

– Дорогой мой! Солнышко мое! – промолвил Джордж, беря ребенка на руки. – Я твой отец, приехал к тебе из-за моря. Ты будешь любить меня?

Маленький человечек оттолкнул его.

– Я не знаю тебя, – сказал он. – Я люблю дедушку и миссис Монкс из Саутгемптона.

– Джорджи у нас с характером, сэр, – заметил старик. – Он избалован.

Они медленно пошли обратно к коттеджу, и Джордж Толбойс еще раз рассказал о том, как он уехал. Он сообщил и о двадцати тысячах фунтов, накануне положенных в банк. У него не хватило духу спрашивать о жене, а рассказ его тестя не был длинным: через несколько месяцев после его отъезда они уехали в Саутгемптон, где у Элен было несколько учеников; им жилось неплохо, пока ее здоровье не пошатнулось и она не заболела недугом, от которого и умерла. Как и большинство печальных историй, она была короткой.

– Мальчик, кажется, любит вас, мистер Мэлдон, – заметил Джордж, помолчав.

– Да, да, – ответил старик, гладя кудрявую головку ребенка, – да, Джорджи очень любит своего дедушку.

– Тогда пусть он лучше остается с вами. Доход от моих денег будет около шестисот фунтов в год. Сто фунтов вы сможете тратить на образование Джорджи, а остальные пусть на-

капливаются до его совершеннолетия. Мой друг будет доверенным лицом, и если он согласится, я назначу его опекуном мальчика, разрешив пока что вам заботиться о ребенке.

– Но почему бы тебе самому не заняться его воспитанием, Джордж? – спросил Роберт Одли.

– Потому что я поплыву ближайшим кораблем из Ливерпуля в Австралию. Мне лучше заниматься раскопками в лесной глуши, чем оставаться здесь. С этого момента я не могу жить как все люди, Боб.

Глаза старика блеснули, когда Джордж заявил о своем решении.

– Мой бедный мальчик, я думаю, ты прав, – согласился он. – Ты действительно прав. Перемена обстановки, примитивная жизнь и…и… – Он запнулся, заметив пристальный взгляд Роберта, устремленный на него.

– Я думаю, вы слишком спешите избавиться от вашего зятя, мистер Мэлдон, – мрачно произнес он.

– Избавиться от него, дорогой мой! Да что вы! Нет, нет и нет! Но для его же блага, мой дорогой сэр, для его блага.

– Для его блага, я думаю, ему бы лучше остаться в Англии и воспитывать сына, – возразил Роберт.

– Но говорю же вам, я не могу, – воскликнул Джордж. – Каждый дюйм этой проклятой земли ненавистен мне – мне хочется бежать отсюда, как с кладбища. Я возвращаюсь в город сегодня вечером, завтра утром улажу денежные дела и без промедления отправлюсь в Ливерпуль. Мне будет гораз-

до лучше, когда между мной и ее могилой ляжет полсвета.

Прежде чем уехать, он заглянул к хозяйке, чтобы расспросить ее о жене.

– Они были бедны? – спрашивал он. – Нуждались ли они, когда она болела?

– О нет! – отвечала женщина. – Хотя капитан и бедно одет, у него в кошельке всегда полно золотых. Но бедняжке ничего не было нужно.

Это отчасти утешило Джорджа, хотя он и недоумевал, где старый пьяница ухитрился достать денег на лечение дочери.

Но он был настолько разбит свалившимся на него несчастьем, что был не в состоянии ни о чем думать, поэтому больше не задавал вопросов и вместе с тестем и Робертом Одли отправился на причал, к небольшому пароходу, на котором они должны были плыть в Портсмут.

Старик очень церемонно попрощался с Робертом.

– Ты даже не представил меня своему другу, мой дорогой мальчик, – заметил он укоризненно. Джордж посмотрел на него в недоумении, пробормотал что-то нечленораздельное и побежал по трапу на пароход, прежде чем мистер Мэлдон успел повторить свой вопрос. Корабль устремился навстречу заходящему солнцу, и очертания острова уже растаяли на горизонте, когда они приближались к другому берегу.

– Подумать только, – произнес Джордж, – что всего два дня назад я плыл в Ливерпуль в надежде прижать ее к своему сердцу, а сегодня я уезжаю от ее могилы.

Документ, назначающий Роберта Одли опекуном маленького Джорджа Толбойса, был составлен в конторе поверенного на следующее утро.

– Это огромная ответственность, – волновался Роберт. – Я – опекун кого-либо или чего-либо! Я, который никогда не мог позаботиться о самом себе.

– Я верю в твое благородное сердце, Боб, – промолвил Джордж. – Я знаю, ты не оставишь моего бедного мальчика-сироту и проследишь, чтобы о нем заботились как следует. Я возьму немного из оставленных ему денег, только чтобы хватило добраться до Сиднея, а потом снова начну прежнюю работу.

Но Джорджу явно было суждено самому заботиться о сыне, поскольку когда он добрался до Ливерпуля, пароход уже уплыл, следующий был только через месяц, и Джордж снова вернулся в Лондон и воспользовался гостеприимством Роберта Одли.

Адвокат встретил его с распростертыми объятьями, предоставил ему ту же комнату с канарейками и цветами, а сам устроился в гардеробной. Горе эгоистично, и Джордж не сознавал те жертвы, на которые пошел Роберт ради его удобства. Он понимал лишь одно – для него свет померк и жизнь кончена. Дни напролет Джордж сидел, уставившись на цветы и канареек и куря сигары в ожидании, когда пройдет время, чтобы он мог отправиться за море.

Но однажды Роберт Одли вернулся домой с заманчивым

предложением. Один из его друзей, молодой адвокат, собрался в Санкт-Петербург провести там зиму и хотел, чтобы Роберт составил ему компанию. Роберт решил, что поедет, только если Джордж присоединится к ним.

Джордж долго отказывался, но убедившись, что Роберт был решительно настроен не ехать без него, он уступил и согласился к ним присоединиться.

– Какое это имеет значение? – рассуждал он. – Одно место похоже на другое, главное, подальше от Англии.

Хотя это прозвучало не очень оптимистично, Роберт Одли был вполне удовлетворен, получив его согласие.

Итак, трое молодых людей отправились в путешествие, имея при себе рекомендательные письма к наиболее влиятельным жителям русской столицы.

Прежде чем покинуть Англию, Роберт написал своей кузине Алисии о предстоящем путешествии со старым другом Джорджем Толбойсом, недавно встреченным им спустя несколько лет и только что овдовевшим.

Ответ Алисии пришел с ближайшей почтой:

> «Мой дорогой Роберт!
>
> Как это жестоко с твоей стороны умчаться в этот ужасный Петербург перед началом охотничьего сезона! Я слышала, что люди отмораживают себе носы в их суровом климате, а поскольку твой нос несколько длинноват, я бы советовала тебе вернуться, прежде чем наступит зима. Кто такой этот мистер Толбойс? Если это приятный молодой человек, ты можешь привезти

его в Корт, как только вы вернетесь из путешествия. Леди Одли просила меня передать просьбу купить ей соболей. Цена не имеет значения, берите самые лучшие. Папа носится со своей новой женой, как с писаной торбой, но мы с ней совсем не можем ладить; не то чтобы она была неприятна мне, нет, что до этого, то она ухитряется быть любезной со всеми, но она так безнадежно глупа.

Остаюсь твоя преданная кузина Алисия Одли».

Глава 7. Год спустя

Прошел год с тех пор, как Джордж Толбойс стал вдовцом; траурный креп на его шляпе совсем выцвел, и когда угасал последний жаркий день августа, он сидел и курил сигары в тихих апартаментах на Фигтри-Корт точно так же, как и год назад, когда рана была еще свежа и все вокруг напоминало о его горе.

Но через год бывший драгун пережил свое несчастье. Внешне он мало изменился. Но кто знает, какие внутренние перемены вызвал этот удар судьбы! Кто знает, как муки совести терзали честное сердце Джорджа, когда он ночи напролет лежал без сна, думая о своей жене, покинутой в погоне за состоянием, которое она уже никогда не сможет с ним разделить?

Однажды, когда они были за границей, Роберт Одли рискнул поздравить его с возвращением к прежней веселости. Он горько рассмеялся в ответ.

– Ты знаешь, Боб, – сказал он, – когда наши солдаты были ранены в Индии, они возвращались домой с пулями внутри. Они не говорили о них; крепкие и здоровые, внешне они выглядели как ты или я, но любое изменение погоды, даже самое незначительное, любое колебание атмосферы возвращало прежнюю боль, такую же острую, как будто рана была только что нанесена на поле боя. У меня своя рана, Боб, пуля

еще внутри, и я буду носить ее до могилы.

Путешественники возвратились из Санкт-Петербурга весной, и Джордж снова поселился в апартаментах своего друга, покидая их только время от времени, чтобы съездить в Саутгемптон навестить своего маленького сына. Каждый раз он приезжал нагруженный игрушками и сладостями для ребенка, но, несмотря на это, Джорджи так и не привык к своему отцу, и сердце молодого человека разрывалось от боли, когда он видел, что вместе с матерью потерял и сына.

«Что мне делать? – спрашивал он себя. – Если я заберу его от деда, я разобью его сердце; если позволю ему остаться, он вырастет чужим мне и будет больше любить этого старого пьяницу-лицемера, чем собственного отца. Но тогда что же делать невежественному, тупому драгуну, вроде меня, с ребенком? Чему я могу научить его, кроме как курить сигары и слоняться весь день без дела?».

Итак, подошла первая годовщина с того августа, 30-го числа, когда Джордж увидел в «Таймс» объявление о смерти своей жены, и молодой человек снял наконец траурную одежду и потрепанный креп со шляпы и сложил их в сундук, в котором хранил пачку писем своей жены и локон волос, срезанный с ее головы после смерти. Роберт Одли никогда не видел ни писем, ни длинную прядь шелковистых волос, и Джордж никогда не упоминал имени своей жены после того дня в Вентноре, когда узнал подробности о ее кончине.

– Сегодня я напишу своей кузине Алисии, Джордж, – за-

явил молодой адвокат накануне 30 августа. – Ты знаешь, что послезавтра первое сентября? Я сообщу ей, что мы оба приедем на недельку в Корт поохотиться.

– Нет-нет, Боб, поезжай один; едва ли они захотят принять меня, я лучше…

– Похороню себя на Фигтри-Корт, довольствуясь лишь обществом собак и канареек! Нет, Джордж, этому не бывать.

– Да я и не люблю охоту.

– Ты что, думаешь, я заядлый охотник? – воскликнул Роберт. – Послушай, я не могу отличить куропатки от голубя, и для меня не имеет значения – первое сентября или первое апреля. Я езжу в Эссекс, только чтобы подышать свежим воздухом, есть вкусные обеды и ради удовольствия лицезреть честное, красивое лицо моего дяди. Кроме того, на этот раз у меня есть и другая цель – я хочу увидеть этот золотоволосый образчик совершенства, мою новую тетушку. Так ты поедешь со мной, Джордж?

– Ладно, если ты и вправду этого хочешь.

Его горе, ставшее более спокойным после первой буйной вспышки, сделало Джорджа покорным воле своего друга, готовым поехать куда угодно; он ничему не радовался, но принимал участие в развлечениях других с безнадежной, ненавязчивой, без жалоб покорностью судьбе, свойственной его простой натуре. Но со следующей почтой пришло письмо от Алисии, в котором говорилось о том, что молодые люди не могут быть приняты в Корте.

«В доме семнадцать свободных комнат, – с негодованием писала молодая леди, – и все же, мой дорогой Роберт, вы не можете приехать, потому что госпожа вбила в свою глупую голову, что она слишком больна, чтобы развлекать гостей (хотя она так же больна, как и я), и что джентльмены (огромные грубые мужчины, как она их называет) не могут находиться в доме. Извинись, пожалуйста, перед твоим другом Джорджем Толбойсом и передай ему: папа надеется, что вы навестите нас в охотничий сезон».

– Жеманство и прихоти госпожи не помешают нам поехать в Эссекс, – решил Роберт, сворачивая письмо, чтобы закурить им трубку. – Вот что мы сделаем, Джордж: в Одли есть превосходная гостиница, и в окрестностях полно мест, где можно ловить рыбу; мы поедем туда на недельку. Рыбная ловля гораздо лучше, чем охота. Нужно только лежать на берегу и следить за удочкой; едва ли мы наловим много рыбы, но зато приятно проведем время.

Он протянул свернутое трубочкой письмо к тлеющим угольками в камине, но затем, передумав, развернул его и разгладил скомканный лист.

– Бедная маленькая Алисия! – промолвил он задумчиво. – Жестоко так бесцеремонно обращаться с ее письмом – пожалуй, я сохраню его.

Мистер Роберт Одли положил письмо Алисии в одно из отделений своего письменного стола с пометкой «Важно». Бог знает, какие замечательные документы хранились в этом

особом ящике, но я думаю, весьма маловероятно, чтобы там содержалось что-либо юридически ценное. Если бы кто-нибудь сказал тогда молодому адвокату, что такая простая вещь, как простенькое письмецо его кузины, станет однажды звеном в ужасной цепи улик единственного уголовного дела, которое доведется вести Роберту Одли, возможно, он только приподнял бы свои брови немного выше обычного.

Итак, молодые люди уехали из Лондона на следующий день с чемоданом и рыболовными снастями и попали в старомодную, приходящую в упадок деревню Одли как раз вовремя, чтобы заказать обед в таверне «Солнце».

Одли-Корт находился в трех четвертях мили от деревни и располагался, как я уже говорила, в глубокой низине, закрытой со всех сторон густым лесом. Попасть туда можно было только по дороге, по обеим сторонам которой ровно в ряд стояли деревья, словно в аллее помещичьего парка. Это было мрачноватое место, но для такого ослепительного создания, как бывшая мисс Люси Грэхем, щедрый баронет превратил старую усадьбу в небольшой дворец для своей юной жены, и леди Одли была счастлива, как ребенок, окруженный новыми и дорогими игрушками.

Теперь, когда удача повернулась к ней лицом, так же, как и в прежние времена, куда бы она ни пошла, повсюду приносила свет и радость. Несмотря на откровенное презрение мисс Алисии к ребячеству и легкомыслию своей мачехи, Люси любили и восхищались ею гораздо больше, чем дочерью

баронета. Было так трудно противиться очарованию ее непосредственности. Ее хорошенькое личико светилось детской невинностью и искренностью. Ее большие влажные голубые глаза, розовые губки, маленький носик и обилие красивых колец подчеркивали ее юность и свежесть. Люси было двадцать лет, но никто не давал ей больше семнадцати. Она любила обряжать свой стройный стан в тяжелый бархат и шелка и выглядела как ребенок, нарядившийся на маскарад; фигурка ее была совсем детской. И все ее развлечения были ребяческими. Она не любила ни читать, ни учиться, но обожала общество; чтобы не оставаться в одиночестве, она взяла к себе в наперсницы Фебу Маркс, и ее любимым занятием было, развалившись на одном из диванов в своей роскошной гардеробной, обсуждать новый туалет для предстоящего обеда или просто болтать о чем-нибудь, перебирая в восхищении свои богатства – драгоценности и подарки сэра Майкла.

Люси посетила несколько балов в Челмсфорде и Колчестере и сразу же была признана первой красавицей графства. Она была вполне довольна своим высоким положением и красивым домом; все ее капризы и прихоти исполнялись; повсюду окружало восхищение и ласка; щедрый муж не скупился, давая ей деньги на булавки, и не было бедных родственников, которые покушались бы на ее кошелек и покровительство – итак, во всем графстве Эссекс не сыскать более счастливого создания, чем Люси, леди Одли.

Молодые люди сидели за обеденным столом в малень-

кой гостиной таверны «Солнце». Окна были распахнуты настежь, и через них врывался свежий деревенский воздух. Погода стояла чудесная: листву деревьев слегка тронули золотые краски осени, кое-где на полях еще колосилась пшеница, на других она уже упала под сверкающим серпом, а по узким сельским дорогам коренастые лошадки уже везли телеги, груженные богатым золотым урожаем.

Человек, который вырвался на природу из душного, пыльного Лондона, испытывает чувство восторга и пьянящей свободы. Нечто подобное почувствовал Джордж Толбойс, впервые после смерти жены.

Часы пробили пять, когда они закончили обед.

– Надевай шляпу, Джордж, – обратился Роберт Одли к своему другу. – В Корте не обедают раньше семи, у нас есть время прогуляться и осмотреть окрестности.

Хозяин таверны, который вошел в эту минуту с бутылкой вина, взглянул на него.

– Прошу прощения, мистер Одли, – вмешался он, – но если вы хотите навестить своего дядю, то зря потратите время. Сэр Майкл, госпожа и мисс Алисия уехали в Чорли на скачки, вряд ли они вернутся раньше восьми часов. Они должны проезжать здесь по дороге домой.

Итак, идти в Корт было бесполезно, поэтому молодые люди прогулялись по деревне, дошли до старой церкви, затем осмотрели ручей, где они собирались ловить рыбу и таким образом протянули время до семи часов. В четверть восьмо-

го они вернулись в таверну и, усевшись у открытого окна, закурили сигары и стали обозревать мирный пейзаж.

Каждый день мы узнаем об убийствах, которые совершаются в стране. Жестокие и коварные убийцы, медленная мучительная смерть от яда, подложенного каким-нибудь родственником; неожиданная насильственная смерть от ударов, нанесенных палкой, вырезанной из раскидистого дуба, под сенью которого царит мир. В графстве, где происходят эти события, мне показали лужайку, на которой в тихий летний воскресный вечер молодой крестьянин убил девушку, любившую его; и все же, даже сейчас, несмотря на злодеяние, совершенное там, место это кажется таким мирным. Многие думают, что преступления творятся только в мрачных трущобах, но это не так; самые страшные злодеяния совершаются на фоне мирного сельского пейзажа, на который мы взираем с нежностью, куда стремимся всей душой, и, несмотря ни на что, все же находим спокойствие и мир.

На землю спустились сумерки, когда по улицам деревеньки и под окнами таверны «Солнце» с грохотом стали проноситься кабриолеты, фаэтоны и двухколесные экипажи, и почти стемнело, когда появился открытый экипаж, запряженный четверкой.

Это была коляска сэра Майкла, неожиданно остановившаяся у маленькой таверны. Форейтор слез с лошади, чтобы поправить сбрую одной из передних лошадей.

– Так это же мой дядя, – обрадовался Роберт Одли. – Я

спущусь поговорить с ним.

Джордж закурил еще одну сигару и, скрытый за оконными занавесками, разглядывал подъехавших. Алисия сидела спиной к лошадям, но даже в сумерках он заметил, что это красивая брюнетка; леди Одли не было видно из-за сэра Майкла, и он не мог разглядеть эту золотоволосую красавицу, о которой так много слышал.

– Роберт! – удивился сэр Майкл, когда его племянник вышел из таверны. – Какой приятный сюрприз!

– Я решил не обременять вас своим присутствием в Корте, мой дорогой дядюшка, – приветствовал его молодой человек, сердечно пожимая баронету руку. – Эссекс – моя родина, и знаете ли, обычно в это время года я испытываю чувство ностальгии, поэтому мы с Джорджем приехали на два-три дня половить рыбу.

– Джордж – кто это?

– Джордж Толбойс.

– Неужели он приехал? – воскликнула Алисия. – Я так рада и просто умираю от желания увидеть этого красивого молодого вдовца.

– Тогда я сбегаю за ним и сейчас же представлю его тебе, – предложил ее кузен.

Надо сказать, что леди Одли приобрела такую большую власть над своим мужем, что зачастую баронет буквально не сводил с нее глаз. Поэтому когда Роберт собрался уже вернуться в таверну, Люси достаточно было лишь слегка при-

поднять брови с очаровательным выражением утомления на лице, чтобы ее муж понял, как нежелательно сейчас представление ей мистера Джорджа Толбойса.

– Успеется, Боб, – остановил он его. – Моя жена немного устала. Приводи своего друга к нам обедать завтра, и тогда они с Алисией и познакомятся. А пока поздоровайся с леди Одли и мы поедем домой.

Госпожа была так утомлена, что смогла только мило улыбнуться и протянуть маленькую ручку в перчатке своему племяннику.

– Вы приедете к нам завтра обедать со своим другом? – промолвила она едва слышным усталым голосом. Люси привлекла всеобщее внимание на скачках и напрочь лишилась сил, очаровывая всех и каждого.

– Удивительно, как это она не угостила тебя своим бесконечным хихиканьем, – шепнула Алисия, склонившись к Роберту, чтобы пожелать ему спокойной ночи. – Но я полагаю, что она приберегает его на завтра, чтобы доставить тебе удовольствие. Что ж, ты так же очарован, как и все кругом? – придирчиво добавила она.

– Несомненно, она очень мила, – прошептал Роберт с холодным восхищением.

– Ну конечно! По-моему, это первая женщина, о которой ты сказал что-то членораздельное, Роберт Одли. Жаль, что ты можешь восхищаться только восковыми куклами.

У бедной Алисии было много столкновений со своим ку-

зеном из-за его характера, благодаря которому он шел по жизни с полной невозмутимостью, относился ко всему спокойно и равнодушно.

«Чтобы ему самому когда-нибудь влюбиться, – думала иногда молодая леди, – то сама мысль об этом абсурдна. Если все прекрасные дамы на земле выстроятся в ряд, ожидая, пока его султанское величество бросит носовой платок, он только поднимет брови до середины лба и велит им драться, чтобы захватить этот трофей».

Но на этот раз Роберт был почти в восторге.

– Она самое хорошенькое маленькое создание, какое я когда-либо видел, Джордж, – восхищался он, когда коляска уехала и он вернулся к своему другу. – Такие голубые глаза, такая восхитительная улыбка, такая сказочная шляпка – точно анютины глазки, сверкающие в облаке газа. Джордж Толбойс, я чувствую себя героем французского романа, я почти влюбился в свою тетушку.

Молодой вдовец только вздохнул и глубоко затянулся сигарой. Возможно, он задумался о том давно прошедшем времени – в действительности немногим более пяти лет назад, но так. много всего случилось за этот срок, – когда он впервые встретил женщину, но которой еще три дня назад он носил траур. Они ожили вновь, эти старые незабываемые чувства. Он снова прогуливался со своими товарищами офицерами по ветхому причалу захолустного курортного городка, слушая оркестр, который ужасно фальшивил. Опять он ви-

дел, как она идет, легко и быстро, под руку со своим старым отцом и делает вид (с такой очаровательной серьезностью), что слушает музыку, и совершенно не замечает восхищения полудюжины офицеров, стоящих с открытыми ртами. Прежний образ ожил в его памяти – она слишком прекрасна, чтобы ступать по этой земле, и приблизиться к ней было все равно что взлететь и дышать более чистым воздухом. И она была его женой и матерью его ребенка. И именно она лежала сейчас на небольшом кладбище в Вентноре, где только год назад он заказал надгробие на ее могилу. Несколько слезинок безмолвно скатились из его глаз и упали на жилет, когда ему вспомнилось об этом в тихой темной комнате.

Леди Одли так устала, что когда они добрались до дома, она, извинившись, удалилась в свою комнату, в сопровождении горничной, Фебы Маркс.

Она была непостоянна в обращении с этой девушкой: иногда слишком доверялась ей, а иной раз была холодна, но, в общем, леди Одли была либеральной хозяйкой, и служанка оставалась вполне довольна своим положением в доме.

В этот вечер, несмотря на усталость, миледи была чрезвычайно возбуждена и с увлечением рассказывала о скачках и местном обществе.

– Я устала до смерти, Феба, – сказала она, – и должно быть, выгляжу настоящим пугалом, так долго пробыв на солнце.

Зажженные свечи стояли по обеим сторонам зеркала, пе-

ред которым леди Одли расстегивала платье. Она пристально смотрела на свою горничную, ее голубые глаза блестели, розовые детские губы изогнулись в улыбке.

– Вы немного бледны, госпожа, – ответила девушка, – но прекрасны, как всегда.

– Это так, Феба, – произнесла она, садясь на стул и откидывая назад свои пышные волосы, которые ее горничная готовилась уложить на ночь. – Знаешь, Феба, говорят, что ты и я похожи?

– Я тоже об этом слыхала, госпожа, – спокойно ответила девушка, – но они, должно быть, глупы, так как ваша светлость – красавица, а я бедная простая девушка.

– Вовсе нет, Феба, – с превосходством возразила маленькая госпожа. – Ты действительно похожа на меня, черты твоего лица правильны, им только недостает красок. Мои волосы светлые с золотым отливом, а твои – серые; мои брови и ресницы черные, а твои – не хочется даже говорить – почти белые, моя дорогая Феба; твои щеки бледные и желтые, а мои розовые. Немного краски для волос, какую недавно рекламировали в газетах, баночка румян – и ты будешь такая же хорошенькая, как и я, Феба.

Она еще долго болтала в том же духе о всяких безделицах, высмеивала общество, которое было на скачках, чем немало развлекла свою горничную. Ее падчерица зашла пожелать спокойной ночи и нашла служанку и госпожу громко смеющимися над каким-то забавным приключением. Алисия, ко-

торая никогда не была фамильярна со слугами, удалилась, испытывая отвращение к легкомыслию госпожи.

– Продолжай расчесывать мои волосы, Феба, – говорила леди Одли всякий раз, когда девушка почти заканчивала ее прическу. – Мне доставляет такое удовольствие болтать с тобой.

Наконец она отпустила свою горничную, но тут же позвала ее обратно.

– Феба Маркс, – велела она, – я хочу, чтобы ты оказала мне услугу.

– Да, госпожа.

– Я хочу, чтобы ты завтра утром первым же поездом поехала в Лондон и выполнила для меня небольшое поручение. Позже ты можешь взять выходной; я знаю, что у тебя есть друзья в городе, и я дам тебе пять фунтов, если ты сделаешь, что мне нужно и не будешь это ни с кем обсуждать.

– Да, госпожа.

– Пойди проверь, плотно ли закрыта дверь и сядь на эту скамеечку у моих ног.

Девушка все выполнила. Размышляя несколько мгновений, леди Одли погладила ее блеклые волосы своей белой, полной ручкой.

– А теперь послушай, Феба. То, что тебе нужно сделать, очень просто.

Леди Одли потребовалось всего пять минут, чтобы рассказать, в чем дело, и затем она удалилась в свою спальню

и уютно свернулась калачиком под пуховым стеганым одеялом. Это хрупкое создание всегда мерзло, и любило закутываться в мягкие меха и атлас.

– Поцелуй меня, Феба, – попросила она, когда девушка поправила занавески. – Я слышу шаги сэра Майкла, ты встретишь его, когда будешь выходить из комнаты и можешь сказать ему, что завтра утром едешь забрать мое новое платье от мадам Фредерик.

На следующее утро леди Одли спустилась к завтраку поздно – в десять часов. Пока она пила маленькими глотками свой кофе, слуга принес запечатанный пакет и книгу, в которой нужно было расписаться.

– Телеграфное послание! – удивилась она (более удобное слово «телеграмма» еще не было в ходу). – Что могло случиться?

Она взглянула на мужа широко раскрытыми испуганными глазами и не решалась взломать печать. Конверт был адресован мисс Люси Грэхем, его переслали из деревни, от мистера Доусона.

– Прочти его, дорогая, – предложил сэр Майкл, – не бойся; вряд ли там что-нибудь серьезное.

Послание было от некоей миссис Винсент, содержательницы школы, которая давала ей рекомендацию при поступлении на работу к мистеру Доусону. Она была серьезно больна и умоляла свою старую ученицу навестить ее.

– Бедняжка! Она всегда хотела завещать мне свои день-

ги, – заметила Люси, печально улыбнувшись. – Она не знает о переменах в моей жизни. Дорогой сэр Майкл, я должна поехать к ней.

– Ну конечно же, любимая. Если она была добра к моей бедной девочке в дни невзгод, об этом нельзя забывать. Надевай свою шляпку, Люси, мы как раз успеем на экспресс.

– Вы поедете со мной?

– Несомненно, дорогая. Неужели вы думаете, я отпущу вас одну?

– Я была уверена, что вы поедете со мной, – промолвила она задумчиво.

– Ваша подруга прислала адрес?

– Нет, но она всегда жила в Бромптоне, на Кресчент-Вилла, и наверняка все еще там.

Леди Одли едва успела надеть шляпку и шаль, когда услышала, что экипаж уже подан и сэр Майкл зовет ее.

Апартаменты Люси, как я уже говорила, представляли собой ряд смежных комнат, в конце которых находилась большая восьмиугольная прихожая, увешанная картинами. Невзирая на то что времени было мало, леди Одли задержалась у дверей этой комнаты, закрыла замок на два оборота и положила ключ в карман. Пройти в комнаты миледи теперь было невозможно.

Глава 8. Перед бурей

Итак, обед в Одли-Корт был отложен, и мисс Алисии пришлось подождать, пока ее представят красивому молодому вдовцу Джорджу Толбойсу.

Говоря откровенно, желание юной леди познакомиться с Джорджем было отчасти притворным; но если бедная Алисия хотела зажечь искру ревности в груди своего кузена, то она недостаточно хорошо знала нрав Роберта Одли. Ленивый, красивый и равнодушный адвокат относился к жизни, как к абсурдной ошибке, и считал, что разумный человек не может воспринимать всерьез все происшествия этой глупой жизни.

Его хорошенькая смуглолицая кузина могла в него влюбиться по уши, могла твердить ему об этом в своей очаровательной женственной манере по сотне раз на день в течение всех 365 дней в году; но до тех пор, пока она не дождется того единственного 29 февраля и не скажет ему прямо: «Роберт, ты женишься на мне?» – он даже и не будет догадываться о ее чувствах.

С другой стороны, даже если бы он сам влюбился, то его чувство было бы сродни смутному, слабому ощущению; он мог бы прожить всю жизнь, испытывая лишь легкое недомогание – то ли любовь, то ли несварение желудка.

Итак, совершенно напрасно скакала моя бедная Алисия

по дорожкам вокруг Одли все те три дня, что молодые люди провели в Эссексе; зря тратила время, надевая хорошенькую амазонку и шляпу с плюмажем в надежде случайно повстречать Роберта и его друга. Черные локоны (не пушистые завитки леди Одли, а тяжелые блестящие локоны, обрамляющие стройную смуглую шею), розовые капризные губки, прямой нос, смуглое лицо с ярким румянцем, который вспыхивал на нем при виде апатичного кузена, – все это напрасно бросалось к ногам скучного зануды Роберта Одли, и лучше бы ей было спокойно отдыхать в прохладной гостиной Корта, чем напрасно загонять лошадь под жарким сентябрьским солнцем.

Рыбная ловля – не самое веселое времяпрепровождение, и неудивительно, что в день отъезда леди Одли молодые люди (один из-за своей сердечной раны был просто не способен ничему радоваться, другой же вообще не нуждался в развлечениях), итак, молодые люди начали уставать от тенистых лип и извилистых ручьев вокруг Одли.

– На Фигтри-Корт, конечно, не веселее, – размышлял Роберт вслух, – но в целом, я думаю, лучше, чем здесь; там, по крайней мере, рядом табачная лавка, – добавил он невозмутимо попыхивая отвратительной сигарой, которую ему доставил хозяин таверны.

Джордж Толбойс, который согласился на поездку в Эссекс, только чтобы не противоречить своему другу, совсем не возражал против немедленного возвращения в Лондон.

– Я с радостью вернусь, Боб, – говорил он, – так как хочу съездить в Саутгемптон, я не видел моего малыша почти месяц.

Он всегда называл своего сына «малыш» и говорил о нем скорее с печалью, чем с надеждой. Казалось, мысль о мальчике не утешает его. Он чувствовал, что мальчик никогда его не полюбит, даже более того, у него было смутное предчувствие, что он не доживет до той поры, когда Джорджи станет взрослым.

– Я не романтик, Боб, – говорил он иногда, – и поэзия для меня – пустой звук, но после смерти жены у меня такое чувство, как будто я стою на пустынном берегу, сзади надо мной нависли огромные страшные скалы, а к моим ногам медленно, но верно подбирается волна. Кажется, что с каждым днем этот мрачный безжалостный поток все больше приближается, не набрасывается на меня с ревом и воем, нет, но ползет, подкрадывается, скользит мне навстречу, готовый сомкнуться над моей головой, когда я меньше всего ожидаю конца.

Роберт Одли пристально посмотрел на своего друга в немом изумлении, и немного подумав, сказал:

– Джордж Толбойс, я мог бы понять это, если бы вы имели обыкновение плотно ужинать. Холодная свинина, да еще пережаренная, могла бы произвести такое действие. Вам нужна перемена, дорогой мой, – свежий ветерок Фигтри-Корт и умиротворяющая атмосфера Флит-стрит. Погодите-ка, – неожиданно добавил он, – нашел! Вы курили сигары нашего

любезного хозяина, это все объясняет.

Они повстречали Алисию Одли полчаса спустя после того, как твердо решили покинуть Эссекс рано утром на следующий день. Молодая леди была весьма удивлена и разочарована, услыхав о решении кузена, и именно по этой причине притворилась, что это ей глубоко безразлично.

– Уж больно быстро вы устали от Одли, – заметила она беззаботно, – но, конечно, здесь у вас нет друзей, кроме родственников в Корте, а в Лондоне, без сомнения, у вас самое блестящее общество и…

– Хороший табак, – перебил Роберт Одли свою кузину. – Одли – замечательный старинный уголок, но когда приходится курить сушеные капустные листья, то знаете ли, Алисия…

– Так вы уезжаете завтра утром?

– Совершенно верно – экспрессом, который отбывает в десять пятьдесят.

– Тогда леди Одли упустит возможность быть представленной мистеру Толбойсу, а мистер Толбойс не увидит самую хорошенькую женщину в Эссексе.

– В самом деле… – пробормотал, запинаясь, Джордж.

– Самая хорошенькая женщина Эссекса вряд ли дождется восхищения от моего друга, Джорджа Толбойса, – заметил Роберт. – Его сердце в Саутгемптоне, где его ждет маленький кудрявый мальчишка, ростом не выше его колен, который называет его «большой джентльмен» и просит у него ле-

денцы.

– Я собираюсь сегодня писать своей мачехе, – сообщила Алисия. – В своем письме она особенно интересовалась, как долго вы намерены здесь оставаться, и успеет ли она вернуться, чтобы принять вас.

Мисс Одли вынула письмо из кармана своей амазонки восхитительный блестящий кусочек бумаги необыкновенного кремового оттенка.

– Вот что она пишет в постскриптуме: «Непременно сообщи о мистере Одли и его друге, а то ты такая забывчивая, Алисия!»

– Какой у нее красивый почерк! – заметил Роберт, когда его кузина сворачивала записку.

– Да, хорош, не так ли? Взгляните, Роберт.

Она дала ему письмо, и он лениво рассматривал его несколько минут, пока Алисия похлопывала по изящной шее своей гнедой кобылки, которой не терпелось пуститься вскачь.

– Сейчас, Аталанта, сейчас. Давай записку, Боб.

– Это самая хорошенькая, самая кокетливая маленькая ручка, какую я когда-либо видел. Честное слово, Алисия, даже если бы я никогда не видел тетушку, я бы узнал, какова она, по этому кусочку бумаги. Да, вот оно, все здесь – пушистые золотистые локоны, словно очерченные карандашом брови, аккуратный прямой носик, победная детская улыбка – все это угадывается в этих изящных завитках. Взгляни,

Джордж.

Но рассеянный и мрачный Джордж Толбойс не слышал их – он успел отойти на несколько шагов и, стоя у края леса, бил тростью по камышу.

– Не обращайте внимания, – в нетерпении произнесла юная леди. – Давайте письмо и позвольте мне уехать, уже больше восьми часов, а я должна послать ответ с вечерней почтой. Вперед, Аталанта! До свидания, Роберт, до свидания, мистер Толбойс. Счастливого пути.

Гнедая кобыла резво поскакала легким галопом, и мисс Одли успела скрыться из вида, прежде чем две крупные слезы, которые ее гордость все время загоняла внутрь, заблестели в ее глазах.

– И это мой единственный родственник, ближайший после папы, – негодовала она. – Ему нет до меня никакого дела!

Но по чистой случайности Роберт и его друг не уехали на следующий день, поскольку наутро молодой адвокат проснулся с ужасной головной болью и попросил Джорджа дать ему самого крепкого зеленого чаю, и больше того, чтобы они отложили свой отъезд на день. Джордж, конечно, согласился, и Роберт Одли провел весь день, лежа в комнате с задернутыми шторами и читая старые газеты.

– Это из-за сигар, Джордж, – все время повторял он. – Пусть хозяин не попадается мне на глаза до нашего отъезда, иначе будет кровопролитие.

К счастью, мир в Одли был сохранен, так как в Челмсфор-

де был рыночный день, и достойный хозяин таверны уехал за покупками для своего дома – среди прочего, возможно, за новым запасом тех самых сигар, что имели такое роковое воздействие на Роберта.

Молодые люди провели день скучно и бездарно, и ближе к сумеркам мистер Одли предложил прогуляться до Корта и попросить Алисию показать им дом.

– Это поможет нам убить время, Джордж, и все-таки жаль покидать Одли, не показав тебе старую усадьбу, а там, поверь мне, есть на что посмотреть.

Солнце клонилось к закату, когда они, пройдя коротким путем через луга, вошли в аллею, ведущую к арке, – мрачный, зловещий закат и мертвая тишина кругом, испугавшая птиц, собравшихся было запеть; вместо них в канавах квакали несколько лягушек. В неподвижном воздухе зловеще шелестели листья, но не от ветра; хрупкие ветви содрогались и трепетали в предчувствии надвигающейся бури. Те самые причудливые часы с одной стрелкой, которая перескакивала с одного часа на другой, показывали семь, когда молодые люди проходили под аркой, но на самом деле было уже около восьми.

Они нашли Алисию в липовой аллее: она гуляла в тени деревьев, с которых плавно опускались на землю увядшие листья.

Как ни странно, но Джордж Толбойс, редко что-нибудь замечавший, обратил особенное внимание на это место.

– Это напоминает кладбище, – заметил он. – Как мирно спали бы мертвые под этой мрачной сенью! Хотел бы я, чтобы кладбище в Вентноре было таким.

Они прошли дальше, к разрушенной стене, и Алисия рассказала им старую легенду, связанную с этим местом, – мрачную историю, одну из тех, без которых не обходится ни один старый дом, как будто прошлое – это одна сплошная темная страница горя и преступлений.

– Нам бы хотелось увидеть дом, прежде чем стемнеет, Алисия, – сказал Роберт.

– Тогда нам следует поторопиться, – ответила она. – Пойдемте.

Она провела их через открытое французское окно, модернизированное несколько лет назад, в библиотеку, а оттуда в холл.

В зале они прошли мимо бледной горничной госпожи, которая украдкой, из-под белесых ресниц, бросила быстрый взгляд на молодых людей.

Когда они поднимались наверх, Алисия обернулась и заговорила с девушкой:

– После того как мы побываем в гостиной, мне бы хотелось показать этим джентльменам комнаты госпожи. Они в порядке, Феба?

– Да, мисс, но дверь прихожей заперта, и по-моему, миледи забрала ключ с собой в Лондон.

– Забрала ключ! Невозможно! – удивилась Алисия.

– Да, мисс, но я думаю, это так. Я не могу найти его, он всегда был в двери.

– Клянусь, – промолвила Алисия в нетерпении, – это так похоже на госпожу, одна из ее глупых причуд. Она, видно, боялась, что мы заберемся в ее комнаты и будем рассматривать ее красивые платья и рыться в ее драгоценностях. Это весьма досадно, так как лучшие картины висят в той прихожей. Там есть и ее собственный портрет, незаконченный, но очень похожий.

– Ее портрет! – воскликнул Роберт Одли. – Я бы отдал что угодно, чтобы увидеть его, поскольку не рассмотрел хорошенько ее лицо. Можно проникнуть туда каким-нибудь другим путем, Алисия?

– Другим путем?

– Да, через другие комнаты?

Его кузина покачала головой и повела их в коридор, где висело несколько семейных портретов. Она показала им обитую гобеленами комнату, где огромные фигуры на выцветшем полотне выглядели угрожающе в свете сумерек.

– Похоже, тот парень с боевым топором не прочь размозжить Джорджу голову, – заметил мистер Одли, указывая на свирепого воина, чья поднятая рука виднелась из-за темной головы Джорджа.

– Пойдем отсюда, Алисия. Эта комната сырая, и здесь водятся привидения. Сдается мне, все привидения – результат сырости. Вы спите в сырой постели – и неожиданно пробуж-

даетесь посреди ночи, дрожа от лихорадки и видите, что у изголовья постели сидит старая леди в придворном костюме времен Георга Первого. Старая леди – результат несварения желудка, а лихорадка – это влажные простыни.

В гостиной зажгли свечи. В Одли-Корт никогда не было новомодных ламп. Комнаты сэра Майкла были освещены толстыми восковыми свечами, стоящими в массивных серебряных подсвечниках.

В гостиной мало что можно было увидеть, и вскоре Джордж Толбойс устал рассматривать красивую современную мебель и картины.

– А нет ли какого-нибудь потайного хода или старинного дубового сундука, ну что-нибудь эдакое, а, Алисия? – спросил Роберт.

– Ну конечно же! – оживилась мисс Алисия. – Почему я не вспомнила об этом раньше? Как глупо, разве нет?

– Почему глупо?

– Потому что, если вы согласны проползти на четвереньках, то можете увидеть комнаты госпожи, ведь именно этот ход ведет в ее гардеробную. Я думаю, она сама о нем не знает. Представляю, как бы она поразилась, если бы однажды вечером, когда она укладывала волосы перед зеркалом, перед ней вдруг появился невесть откуда вор-взломщик в маске и с фонарем!

– Посмотрим, что за тайный ход, Джордж? – спросил мистер Одли.

– Давай, если хочешь.

Алисия провела их в комнату, которая когда-то была ее детской. Теперь она пустовала, за исключением тех редких случаев, когда в доме было много гостей.

Роберт Одли приподнял угол ковра, согласно указанию кузины, и открыл грубо вырезанную дверцу люка в дубовом полу.

– А теперь послушайте, – сказала Алисия. – Вы должны спуститься в ход, он высотой около четырех футов, наклоните голову и идите вдоль него до поворота налево, и в самом конце его увидите небольшую лесенку и люк, похожий на этот, который вы откроете; дверца открывается в полу гардеробной госпожи, прикрытом только персидским ковром. Понятно?

– Разумеется.

– Тогда возьмите свечу, – мистер Толбойс последует за вами. Я даю вам двадцать минут на осмотр картин – по минуте на каждую – и в конце этого срока буду ждать вашего возвращения.

Итак, уже через пять минут они стояли посреди живописного беспорядка гардеробной леди Одли.

Она покинула дом в спешке, и все ее блестящие туалетные принадлежности были разбросаны на мраморном туалетном столике. В комнате было нечем дышать из-за густого запаха духов, пузырьки с которыми стояли открытыми. Букет оранжерейных цветов увядал на маленьком письменном столи-

ке. Несколько красивых платьев кучей лежали на полу, в открытых дверях шкафа виднелись его сокровища. Драгоценности, расчески из слоновой кости, изысканный китайский фарфор были разбросаны тут и там по комнате. Джордж Толбойс увидел в зеркале свое бородатое лицо, высокую тощую фигуру и удивился, как неуместно он выглядел среди этой роскоши.

Из гардеробной они прошли в будуар, а оттуда в прихожую, где, как сказала Алисия, находилось двадцать ценных картин, помимо портрета госпожи.

Портрет госпожи стоял на мольберте, покрытый мягкой зеленой тканью в центре восьмиугольной комнаты. Фантазия художника изобразила ее стоящей в этой же самой комнате, на фоне тех же, увешанных картинами стен. Боюсь, что молодой человек принадлежал к братству прерафаэлитов, поскольку он потратил много времени, тщательно выписывая мельчайшие детали картины – начиная от завитков волос и кончая тяжелыми складками ее пурпурного бархатного платья.

Молодые люди осмотрели сначала картины на стенах, оставив незаконченный портрет «на закуску».

К этому времени стемнело. Свеча, которую нес Роберт, оставляла за собой яркое пятно света. В широком незашторенном окне виднелось бледное небо, на котором мерцали последние холодные блики угасающих сумерек. Ветки плюща бились о стекло с тем же зловещим трепетом, от которого

дрожал каждый лист в саду, предчувствуя надвигающуюся бурю.

– А вот и неизменные белые лошади нашего друга, – сказал Роберт, останавливаясь перед Воуверманом. – Пуссен, Кейп… Гм. Ну а теперь к портрету.

Он помедлил, взявшись рукой за покрывало, и обернулся к своему другу.

– Джордж Толбойс, – начал он. – У нас только одна свеча, этого явно недостаточно, чтобы рассмотреть полотно. Не согласишься ли ты осмотреть картину по очереди: самое неприятное – это когда кто-нибудь стоит сзади и дышит тебе в затылок, в то время как ты занят созерцанием.

Джордж сразу же согласился. Портрет госпожи интересовал его не более, чем все остальные тяготы этого суетного света. Он отошел в сторону, и прислонившись лбом к оконному стеклу, устремил взор в темноту ночи.

Когда он обернулся, то увидел, что Роберт поставил мольберт поудобнее, а сам уселся на стул перед ним, чтобы на свободе вдоволь насмотреться на картину.

Он встал, когда Джордж обернулся.

– Теперь твоя очередь, Толбойс, – промолвил он, – Это необычное полотно.

Он занял место Джорджа у окна, а его друг уселся на стул перед мольбертом.

Да, художник явно был прерафаэлит. Только прерафаэлит мог так тщательно выписать каждый волосок этих пушистых

локонов, отливающих золотом. Только прерафаэлит мог так выделить каждую деталь этого тонкого лица и придать ему мертвяще бледный цвет, а глубоким голубым глазам странный зловещий блеск. Только прерафаэлит мог дать этим хорошеньким надутым губкам тяжелое и почти зловещее выражение, какое у них было на портрете.

Он был похож и в то же время не похож, как будто перед лицом госпожи вспыхнуло странное пламя и высветило новые черты и выражение лица, каких раньше не бывало у нее. Совершенство черт, великолепие красок, все это было; но я полагаю, что художник рисовал так много необычных средневековых чудовищ, что однажды увидел в госпоже что-то от прекрасной дьяволицы.

Ее алое платье, необычайно яркой окраски, как и все в этой картине, окружало ее фигуру мягкими складками, похожими на пламя; ее прекрасная головка показывалась из этого неистовства красок, как из бушующего горнила. Действительно, пурпурное платье, солнечный свет на лице, золотисто-красный отсвет на светлых волосах, ярко-розовая окраска губ, пылающие краски каждой детали на заднем плане – все это, вместе взятое, производило впечатление, которое никак нельзя было назвать приятным.

Но несмотря на всю свою странность, портрет не мог бы произвести более сильного впечатления на Джорджа Толбойса: он просидел перед ним в течение четверти часа, не проронив ни звука, не отрывая от него глаз, судорожно сжи-

мая правой рукой подсвечник, другая же рука бессильно повисла вдоль туловища. Он пребывал в этом состоянии так долго, что Роберт, наконец, обернулся.

– Джордж, я думал, ты уснул.

– Да, почти что.

– Ты наверно простудился в той сырой комнате с гобеленами – хрипишь, как ворон. Но пойдем же.

Роберт Одли взял свечу из его руки и пополз обратно через потайной ход, за ним Джордж, внешне спокойный, но едва ли такой, как обычно.

Алисия ждала их в детской.

– Ну и как? – поинтересовалась она.

– Мы все успели. Но мне не нравится портрет, в нем что-то странное.

– Да, это так, – согласилась Алисия. – Но у меня свое представление о нем. Я думаю, что художник под воздействием вдохновения способен увидеть в обычном лице нечто другое, невидимое простому глазу. Мы никогда не видели у госпожи того выражения, что на портрете, но я полагаю, она *могла бы* быть такой.

– Алисия, – взмолился Роберт Одли, – не будь такой романтичной!

– Но, Роберт…

– Не надо, если ты любишь меня. Картина – это картина, а госпожа – это госпожа. Я воспринимаю все именно так, и я не метафизик: не разубеждай меня.

Он повторил это несколько раз с ужасом, вполне искренним и затем, позаимствовав зонтик на случай грозы, покинул Корт, ведя за собой молчаливого Джорджа Толбойса. Единственная стрелка причудливых часов перескочила на девять, когда они дошли до арки, но прежде чем пройти под ее тенью, им пришлось отступить в сторону и пропустить экипаж, проехавший мимо них. Это была пролетка из деревни, хорошенькое личико леди Одли выглядывало из окошка. Несмотря на темноту, она разглядела две темные фигуры.

– Кто это? – спросила она, высунув голову из окошка. – Это садовник?

– Нет, моя дорогая тетушка, – ответил смеясь Роберт. – Это ваш самый преданный племянник.

Они с Джорджем остановились у арки, пока пролетка подъехала к дверям и удивленные слуги вышли встретить господ.

– Я думаю, сегодня вечером дождя не будет, – сказал баронет, взглянув на небо. – Но завтра наверняка разразится гроза.

Глава 9. После бури

Сэр Майкл ошибся в своем предсказании погоды. Гроза не заставила себя долго ждать, она разразилась с ужасающей яростью над деревушкой Одли за полчаса до полуночи.

Роберт Одли относился к грозе и молнии с тем же спокойствием, с каким воспринимал все невзгоды жизни. Он лежал на диване в гостиной, читая газету из Челмсфорда пятидневной давности и попивая холодный пунш из огромного бокала. Но на Джорджа Толбойса буря производила совсем иное действие. Роберт был удивлен, когда, взглянув на своего друга, увидел, что тот сидит напротив открытого окна, белый как мел, и пристально смотрит на черное небо, сотрясаемое громом и вспышками молний.

– Джордж, – позвал его Роберт, немного понаблюдав за ним, – ты боишься молнии?

– Нет, – отрывисто ответил он.

– Но, мой дорогой, многие, даже самые храбрые люди, боялись ее. Едва ли это можно назвать страхом, это естественно. Я уверен, что ты боишься.

– Нет, не боюсь.

– Но Джордж, если бы ты увидел себя, бледного и изможденного, с огромными ввалившимися глазами, прикованными к небу, как будто ты увидел там привидение. Говорю тебе, я знаю, – ты боишься.

– А я говорю, что нет.

– Джордж Толбойс, ты не только боишься молнии, но и злишься на себя за это и на меня за то, что я заметил твой страх.

– Роберт Одли, если ты произнесешь еще хоть одно слово, я тебя ударю, – сказав это, мистер Толбойс вышел из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Те черные тучи, что закрывали душную землю, словно крыша из раскаленного железа, неожиданно исторгли из себя потоки ливня, когда Джордж выходил из комнаты; но если молодой человек боялся молнии, то дождя он явно не испугался, так как сразу же спустился к входной двери и вышел на мокрую дорогу.

Около двадцати минут он ходил туда и обратно под проливным дождем, а затем вернулся в таверну и поднялся в свою комнату. Роберт Одли встретил его, промокшего насквозь, на лестничной площадке.

– Ты идешь спать, Джордж?

– Да.

– Но у тебя нет свечи.

– Она не нужна мне.

– Но взгляни на свою одежду! Ты видишь, что с тебя течет? Бога ради, что тебя вынесло из дома в такую ночь?

– Я устал и хочу спать – не мешай мне.

– Может, ты выпьешь горячего бренди с водой, Джордж?

Роберт Одли мешал Джорджу пройти, он беспокоился,

что его друг ляжет спать в таком состоянии, но Джордж со злостью оттолкнул его, и проходя мимо, сказал тем же хриплым голосом, какой Роберт заметил у него в Корте:

– Оставь меня в покое, Роберт Одли, и держись от меня подальше.

Роберт последовал за ним в спальню, но молодой человек захлопнул дверь у него перед носом, поэтому ему ничего больше не оставалось, как предоставить мистера Толбойса самому себе.

«Мое замечание о том, что он боится молнии, вызвало его раздражение», – подумал Роберт, спокойно укладываясь спать, абсолютно равнодушный к раскатам грома, сотрясавшим, казалось, его кровать, и к молнии, отблески которой играли на зеркальных дверцах шкафа.

Гроза пронеслась над тихой деревушкой Одли, и проснувшись на следующее утро, Роберт увидел яркое солнце и между белыми занавесками окна кусочек безоблачного неба.

Иногда после бури бывает такое ясное, спокойное утро. Звонко пели птицы, на полях поднялась желтая пшеница и гордо колосилась после ожесточенной схватки с бурей, которая на протяжении ночи пыталась с помощью ветра и дождя склонить к земле тяжелые колосья. Листья дикого винограда весело стучали в окошко Роберта, отряхивая блестящие, как бриллианты, капли дождя с каждой веточки и усика.

Джордж уже ожидал своего друга за столом, накрытым к завтраку. Он был бледен, но абсолютно спокоен.

Он пожал Роберту руку в прежней, сердечной манере, которая была присуща ему до того, как ужасное несчастье настигло его и разрушило его жизнь.

– Прости меня Боб, – извинился он, – за мое недостойное вчерашнее поведение. Ты был совершенно прав, гроза выбила меня из колеи. Она всегда оказывала на меня такое действие, еще со времен юности.

– Ничего, старина. Мы уезжаем или, может быть, останемся и пообедаем сегодня вечером с дядей? – спросил Роберт.

– Ни то, ни другое, Боб. Сегодня такое чудесное утро. А что, если мы прогуляемся, половим рыбу и вернемся в город поездом в шесть пятнадцать вечером?

Роберт Одли согласился бы на что угодно, только чтобы не противоречить своему другу, поэтому, позавтракав и заказав обед на четыре часа, Джордж Толбойс вооружился удочкой и отправился на прогулку в сопровождении своего друга.

Но если раскаты грома, которые потрясали гостиницу «Солнце», не нарушили спокойствия Роберта Одли, то совсем иначе обстояло дело с более тонкими чувствами юной супруги его дяди. Она страшно боялась молнии. Ее кровать перенесли в угол комнаты, плотно задернули вокруг нее занавески, и она лежала там, зарывшись лицом в подушки и конвульсивно вздрагивая от каждого раската грома. Сэр Майкл, чье сердце никогда не знало страха, тревожился за это хрупкое создание, которое ему судьбой было предназначено оберегать. Госпожа не желала ложиться спать почти до

трех часов ночи, когда последний раскат грома не затих в дальних холмах. Все это время она лежала, не сняв своего красивого шелкового платья, закутавшись в одеяла, из-за которых было видно только ее искаженное страхом лицо, и спрашивала время от времени, закончилась ли гроза.

Ближе к четырем часам ее муж, почти всю ночь просидевший у ее постели, заметил, что она все-таки уснула глубоким сном; пробудилась она почти пять часов спустя.

Люси вышла к завтраку в половине десятого, напевая какую-то шотландскую песенку, с легким румянцем на щеках. Как и вся природа после бури, она вновь стала красивой и веселой при солнечном свете. Напевая, она легким шагом вышла на лужайку, то тут, то там срывая последние розы, добавила к ним две веточки герани, и легко шагая по росистой траве, выглядела такой же свежей и сияющей, как и цветы в ее руках. Войдя в дом через стеклянные двери, она попала в объятия баронета.

– Любимая, – обрадовался он, – какое счастье, что ты опять весела! Знаешь, Люси, прошлой ночью, когда я увидел твое бледное маленькое личико из-под зеленых покрывал, с красными кругами вокруг запавших глаз, мне было трудно узнать свою маленькую жену в этом мертвенно-бледном, дрожащем, испуганном создании. Слава богу, что сегодня солнечное утро вернуло румянец твоим щекам! Я молю Бога, Люси, чтобы мне больше никогда не увидеть тебя такой, как прошлой ночью.

Люси встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но он был так высок, что она доставала ему только до бороды. Она сказала ему, смеясь, что всегда была глупой и трусливой – боялась собак, боялась коров, боялась грозы и бурного моря.

– Боялась всего на свете, кроме моего обожаемого, благородного, красивого супруга, – добавила она.

Госпожа обнаружила, что ковер в ее гардеробной сдвинут, и узнала о потайном ходе. Она шутливо побранила мисс Алисию за дерзость провести двух мужчин в ее комнаты.

– И они видели мой портрет, Алисия, – возмущалась она. – Покрывало с него упало на пол, а на ковре я обнаружила огромную, мужскую перчатку. Взгляни!

Она протянула перчатку из толстой кожи для верховой езды, принадлежавшую Джорджу. Он уронил ее, разглядывая картину.

– Я дойду до таверны и приглашу ребят к обеду, – пообещал сэр Майкл, когда уходил на свою утреннюю прогулку.

В это солнечное сентябрьское утро леди Одли порхала, как бабочка, из комнаты в комнату – то присаживалась к роялю и наигрывала какую-нибудь балладу, или пробегала быстрыми пальцами мотив блестящего вальса, – то суетилась около оранжерейных цветов с маленькими серебряными ножницами, – то заходила в гардеробную поболтать с Фебой Маркс и заново причесаться уже в третий или четвертый раз, так как ее локоны постоянно раскручивались, чем доставляла немало беспокойства своей горничной.

Казалось, в этот сентябрьский день в госпожу вселился какой-то беспокойный радостный дух, который не давал ей долго оставаться на одном месте.

А в это время наши молодые люди медленно прогуливались вдоль протоки, пока не нашли тенистый уголок, где вода была глубока и спокойна, а длинные ветви ив опускались в ручей.

Джордж Толбойс закинул удочку, а Роберт растянулся на коврике, прикрыл лицо шляпой от солнца и заснул.

Повезло тем рыбкам в ручье, на берегу которого уселся мистер Толбойс. Они развлекались от души, откусывая маленькие кусочки от наживки, совершенно не подвергая себя опасности, поскольку удочка свободно болталась в безвольной руке Джорджа, а сам он уставился на воду странным, отсутствующим взглядом.

Когда церковные часы пробили два, он бросил удочку и пошел вдоль ручья, оставив Роберта в глубоком сне; согласно привычкам этого джентльмена, его сон мог продлиться больше двух-трех часов. Пройдя около четверти мили, Джордж перешел ручей по старому мостику и углубился в луга, ведущие к Одли-Корт.

Птицы так много пели этим утром, что, возможно, уже выдохлись к этому времени; на лугах спали ленивые коровы; сэр Майкл все еще не вернулся с утренней прогулки; мисс Алисия за час до этого ускакала на своей гнедой кобылке; слуги были заняты обедом в задней части дома: а миле-

ди прогуливалась с книгой в руке по тенистой липовой аллее; таким образом, в старой усадьбе царило безмолвие в тот жаркий полдень, когда Джордж Толбойс пересек лужайку и позвонил у крепкой, обитой железом, дубовой двери.

Слуга, открывший ему дверь, сказал, что сэра Майкла нет, а госпожа прогуливается по липовой аллее.

Джордж был немного разочарован, и пробормотав что-то насчет желания увидеть госпожу или пойти ее поискать (слуга не вполне разобрал его слова), ушел, не оставив ни карточки, и ничего не передав господам на словах.

Спустя полтора часа вернулась леди Одли, но не со стороны липовой аллеи, а совсем противоположной, держа в руке открытую книгу и напевая. Алисия как раз спустилась с лошади и стояла у двери, с ней рядом был ее огромный ньюфаундленд.

Собака, которая недолюбливала госпожу, оскалила зубы и тихонько зарычала.

– Убери это ужасное животное, Алисия, – раздраженно сказала леди Одли. – Эта скотина знает, что я боюсь ее, и пользуется этим. Как только этих бестий называют великодушными и благородными! Фу, Цезарь! Я ненавижу тебя, а ты меня, и если бы ты встретил меня в каком-нибудь темном углу, ты перегрыз бы мне горло, разве нет?

Госпожа, спрятавшись за свою падчерицу, зло дразнила животное.

– Вы знаете, леди Одли, что мистер Толбойс был здесь и

спрашивал сэра Майкла и вас?

Люси приподняла свои тонкие брови.

– Я думала, он придет к обеду, – удивилась она. – Мы наверняка еще увидим его сегодня.

В подоле платья у нее была целая охапка полевых цветов. Она шла через поля, собирая их по пути. Люси легко взбежала по лестнице и поднялась в свои комнаты. Перчатка Джорджа все еще лежала на туалетном столике. Леди Одли нетерпеливо позвонила, вошла Феба Маркс.

– Убери этот мусор, – резко приказала она.

Девушка собрала перчатку, несколько увядших цветов и кусочки бумаги со стола в свой передник.

– Что ты делала все утро? – спросила госпожа. – Я надеюсь, не тратила даром времени?

– Нет, госпожа, я шила голубое платье. В этой стороне дома темно, поэтому я взяла его в свою комнату и работала у окна.

Сказав это, девушка обернулась и взглянула на леди Одли, как бы ожидая дальнейших указаний.

В этот момент Люси тоже подняла на нее глаза, и взгляды двух женщин встретились.

– Феба Маркс, – произнесла миледи, откидываясь на стуле и теребя полевые цветы на коленях, – ты хорошая трудолюбивая девушка, и пока я жива и при деньгах, у тебя не будет лучшего друга и ты не будешь ни в чем нуждаться.

Глава 10. Исчезновение

Когда Роберт Одли проснулся, то удивился, увидев, что удочка лежит на берегу, леска свисает в воду, а поплавок безобидно покачивается на воде в полуденном солнце. Молодой адвокат долго потягивался, вытягивая руки и ноги в разных направлениях, дабы убедиться, что они еще действуют; затем, одним могучим усилием усевшись на траву, он свернул коврик, чтобы его удобно было нести на плече, и побрел искать Джорджа Толбойса.

Раз или два он, все еще сонный, позвал своего друга, но его негромкий зов не испугал даже птиц над его головой, и форель в ручье у его ног; не получив ответа, уставший от затраченных усилий, он поплелся дальше, зевая и все еще высматривая Джорджа Толбойса.

Взглянув на часы, он был удивлен, что уже четверть пятого.

– Этот жалкий бродяга, должно быть, ушел домой обедать! – размышлял он вслух. – И все же это не похоже на него, он редко вспоминает о еде, пока я сам не напомню ему.

Ни хороший аппетит, ни мысль о том, что обед остынет, не могли заставить мистера Роберта Одли ускорить свой прогулочный шаг, и когда он наконец добрел до дверей таверны «Солнце», часы пробили пять. Он был уверен, что Джордж уже ожидает его в маленькой гостиной, но комната была пу-

ста, выглядела мрачной, и Роберт громко застонал.

– Как вам это понравится! – произнес он. – Холодный обед, который не с кем разделить!

Вошел хозяин таверны, чтобы самому извиниться за испорченный обед.

– Такая прекрасная пара уточек, мистер Одли, вы таких не видали, и подгорели, такая жалость, пока их держали в печи, чтоб не остыли.

– Да бог с ними, с этими утками, – в нетерпении сказал Роберт. – Где мистер Толбойс?

– Он не приходил, сэр, с тех пор, как вы вместе ушли утром.

– Что! – воскликнул Роберт. – Куда же он подевался?

Он подошел к окну и посмотрел на широкий белый тракт. Тележка, груженная снопами сена, медленно тащилась по дороге, ленивые лошади и ленивый возница клевали носом под полуденным солнцем. Стадо овец разбрелось вдоль дороги, и собачка сбилась с ног, следя, чтобы ни одна не отстала. Несколько каменщиков возвращались с работы, у дороги лудильщик чинил кастрюли, по дороге во весь опор мчалась двуколка: дюжина привычных деревенских звуков слились в один разноголосый гул и сутолоку, но нигде не было видно Джорджа Толбойса.

– Из всего необычного, что случалось со мной за всю жизнь, это самое загадочное происшествие, – промолвил Роберт Одли.

Хозяин, все еще находившийся в комнате, в удивлении взглянул на Роберта, услышав эти слова. Что же такого необычного в том, что джентльмен опаздывает к обеду?

– Пойду поищу его, – решил Роберт, схватив шляпу и выходя из дома.

Но вопрос в том, где же его искать. У ручья его наверняка не было, поэтому туда не стоило возвращаться. Роберт стоял у гостиницы, размышляя, что же ему делать, когда следом за ним вышел хозяин.

– Забыл сказать вам, мистер Одли, что ваш дядя заходил через пять минут после вашего ухода и просил передать, что ждет вас и другого джентльмена к обеду в Корте.

– Тогда Джордж, должно быть, пошел в Корт, навестить моего дядю, – решил Роберт. – Правда, это не похоже на него, но вполне возможно.

Было уже шесть часов, когда Роберт постучал у дверей своего дядюшки. Он сразу же спросил о своем друге.

– Да, – ответил слуга, – мистер Толбойс был здесь около двух часов.

– А с тех пор?

– Не появлялся.

Уверен ли он, что именно в два часа заходил мистер Толбойс, спросил Роберт. Да, совершенно уверен. Он запомнил час, потому что в это время слуги обедают и ему пришлось встать из-за стола, чтобы открыть мистеру Толбойсу дверь.

«Что же с ним сталось? – подумал Роберт, уходя из Кор-

та. – От двух до шести – целых четыре часа – и никаких следов!»

Если бы кто-нибудь осмелился сказать мистеру Роберту Одли, что он может испытывать сильную привязанность к человеку, сей циничный джентльмен только презрительно поднял бы брови, услышав это нелепое замечание. И вот он, возбужденный и взволнованный, ломал голову, строя самые невероятные предположения о своем исчезнувшем друге, и, вопреки своей привычке, быстро шагая вперед.

– Я не ходил так быстро с тех пор, как учился в Итоне, – пробормотал он, спеша через луга к деревне. – И что хуже всего, я не имею ни малейшего понятия, куда иду.

Он пересек еще один луг и, усевшись на ступеньки у изгороди, поставил локти на колени, и, положив подбородок на ладони, настроился серьезно обо всем поразмыслить.

– Нашел! – сказал он спустя несколько минут. – Железнодорожная станция!

Он вскочил и направился к небольшому строению из красного кирпича.

В течение ближайшего получаса поезда не ожидалось, и служащий пил чай в помещении, на двери которого было написано большими белыми буквами: «Посторонним вход воспрещен».

Но мистер Одли был слишком поглощен поисками своего друга, чтобы обращать внимание на подобное предупреждение. Он сразу же пошел к двери, постучал в нее тростью и

вытащил служащего из его убежища в испарине от горячего чая и доедавшего бутерброд с маслом.

– Вы помните джентльмена, который приехал со мной в Одли, Смитерс? – спросил Роберт.

– Сказать по правде, мистер Одли, не могу сказать, что помню. Вы приехали в четыре, а в это время всегда полно народа.

– Значит, вы его совсем не помните?

– Не вполне, сэр.

– Какая досада! Я хочу знать, Смитерс, не брал ли он сегодня билет до Лондона после двух часов дня. Это высокий, широкоплечий молодой человек, с большой темной бородой. Его нельзя не узнать.

– Четыре или пять джентльменов брали билеты на три тридцать, – неопределенно сказал служащий, бросая беспокойный взгляд через плечо на свою жену, которая отнюдь не была в восторге от того, что прервали их чаепитие.

– Четыре или пять человек! Но подходит кто-либо из них под описание моего друга?

– Ну, я думаю, что у одного из них была борода, сэр.

– Темная?

– Не знаю, но вроде бы да.

– Он был одет в серое?

– Думаю, да, многие господа носят серое. Он грубовато спросил билет и сразу же ушел на платформу, посвистывая.

– Это Джордж! – сказал Роберт. – Спасибо, Смитерс, не

буду больше вас беспокоить… Ясно как день, – бормотал он, покидая станцию, – что на него опять напала хандра, и он поехал в Лондон, ни словом не обмолвившись об этом. Завтра утром я тоже уеду, но сегодня вечером я, пожалуй, могу сходить в Корт и познакомиться с молодой супругой дядюшки. Они не обедают раньше семи: если я пойду через поле, то как раз успею. Боб, то есть Роберт Одли, это никуда не годится: ты по уши влюбляешься в свою тетушку.

Глава 11. Синяк на руке госпожи

Роберт нашел сэра Майкла и леди Одли в гостиной. Госпожа сидела у рояля на вращающемся табурете и просматривала новые ноты. Она кружилась на своем сиденье, шурша шелковыми оборками, когда доложили о мистере Роберте Одли; поднявшись, она сделала перед племянником немного церемонный реверанс.

– Премного вам благодарна за соболя, – произнесла она, протягивая ему свою маленькую ручку, унизанную сверкающими бриллиантами. – Благодарю вас за такие чудесные меха. Так любезно было с вашей стороны привезти их для меня!

Роберт успел уже забыть о поручении, которое он выполнил для леди Одли во время поездки в Россию. Его голова была настолько занята Джорджем Толбойсом, что он только кивнул в ответ.

– Поверите ли, сэр Майкл, – сказал он. – Этот мой глупый приятель вернулся в Лондон, покинул меня.

– Мистер Джордж Толбойс вернулся в город! – воскликнула госпожа, подняв брови.

– Какая ужасная катастрофа! – заметила Алисия. – Пифиас в лице мистера Роберта Одли не может и минуты прожить без Дамона, известного как Джордж Толбойс.

– Он отличный парень, – вступился Роберт за друга. – И,

говоря откровенно, я беспокоюсь о нем.

Беспокоится о нем! Госпоже стало интересно, почему Роберт так волнуется о своем друге.

– Я скажу вам почему, леди Одли, – ответил молодой адвокат. – Смерть его жены год назад явилась сильным потрясением для Джорджа. Он так и не смог пережить это горе. Внешне он спокоен, но часто говорит странные вещи, и временами мне кажется, что эта беда доконает его и он на что-нибудь решится.

Роберт Одли говорил намеками, но его собеседники догадывались, что он имеет в виду.

Последовало молчание, во время которого леди Одли поправила свои золотистые локоны, глядясь в трюмо напротив стола.

– Боже мой! – сказала она. – Это так странно. Никогда не думала, что мужчины способны на такие поступки и чувства. Я всегда полагала, что им все равно, было бы хорошенькое личико, и когда номер один – блондинка с голубыми глазами, умирает, им нужно только подыскать себе номер два – брюнетку с карими глазами, для разнообразия.

– Джордж Толбойс не из таких. Я убежден, что смерть жены разбила его сердце.

– Как печально! – негромко заметила леди Одли. – Со стороны миссис Толбойс было жестоко умереть и заставить так страдать своего бедного мужа.

«Алисия была права, она и вправду еще ребенок», – по-

думал Роберт, глядя на хорошенькое лицо своей тетки.

За обедом госпожа была само очарование, она мило призналась, что не способна разрезать фазана, установленного перед ней, и призвала на помощь Роберта.

– Я могла разрезать баранью ножку у мистера Доусона, – смеялась она, – но это было так легко, и я обычно вставала.

Сэр Майкл с гордостью наблюдал за впечатлением, которое госпожа производила на его племянника, и сам восхищался ее красотой и очарованием.

– Я так рад, что моя маленькая женушка снова в хорошем настроении, – заметил он. – Вчера она была очень подавлена после неудачной поездки в Лондон.

– Неудачной!

– Да, мистер Одли, – ответила госпожа. – Вчера утром я получила телеграфное послание от моего старого доброго друга и наставницы о том, что она при смерти, и если я хотела повидать ее, то должна была немедленно поспешить к ней. В послании не было адреса, и конечно же я решила, что она живет там же, что и три года назад. Сэр Майкл и я сразу же поспешили в город и поехали по старому адресу. Но дом снимали какие-то странные люди, которые ничего не могли сообщить мне о моем друге. Это очень уединенное место, где живут лишь несколько торговцев. Сэр Майкл расспрашивал в магазинах поблизости, но несмотря на столько затраченных усилий, мы так ничего и не смогли выяснить. У меня нет друзей в Лондоне, и некому было помочь, кроме

моего дорогого, великодушного мужа, который сделал все, что в его власти, чтобы найти новое место жительства моего друга, но напрасно.

– Очень неразумно не сообщить адрес в телеграфном послании, – заметил Роберт.

– Когда люди умирают, как-то не думается о таких вещах, – тихо произнесла госпожа, с упреком взглянув на мистера Одли своими голубыми глазами.

Несмотря на все очарование леди Одли и то, что Роберт откровенно восхищался ею, адвокат не мог избавиться от смутного чувства беспокойства в этот тихий сентябрьский вечер.

Он сидел у окна, разговаривая с госпожой, но мысли его уносились далеко, на тенистую Фигтри-Корт, и он думал о Джордже, который сидел в комнате с собаками и канарейками и курил в одиночестве свою сигару. «Лучше б я никогда не встречал этого парня, – думал он. – Я чувствую себя как отец, потерявший своего единственного сына. Если бы я мог вернуть ему жену и поселить его в Вентноре, где бы он жил в мире и спокойствии до конца своих дней».

Госпожа продолжала что-то говорить, ее голосок звучал как журчание ручейка, а мысли Роберта, против его воли, все время возвращались к Джорджу Толбойсу.

Он вспомнил, как его друг спешил в Саутгемптон почтовым поездом, чтобы навестить своего мальчика; как часто он сидел над объявлениями в «Таймс» в поисках корабля, ко-

торый отвез бы его обратно в Австралию. И вдруг с содроганием он представил его, холодного и бездыханного, на дне протоки с лицом, обращенным к темнеющим небесам.

Леди Одли заметила его рассеянность и спросила, о чем он думает.

– О Джордже Толбойсе, – коротко ответил он.

Она нервно вздрогнула.

– Честное слово, – промолвила она, – вы так говорите об этом мистере Толбойсе, что можно подумать, с ним что-нибудь случилось.

– Боже сохрани! Но я не могу не беспокоиться о нем.

Позже вечером сэр Майкл попросил госпожу сыграть что-нибудь, и она села за рояль. Роберт Одли тоже подошел к инструменту, чтобы помочь переворачивать ноты, но она играла по памяти, и он был избавлен от беспокойства, к которому его обязывала учтивость.

Он принес две зажженные свечи и установил их на рояле для хорошенькой музыкантши. Она взяла несколько аккордов, затем начала мечтательную сонату Бетховена. Одной из странностей ее характера была эта любовь к мрачным и меланхоличным мелодиям в противоположность ее веселой, легкомысленной натуре.

Роберт Одли оставался рядом с ней, и поскольку ему не нужно было переворачивать страницы нот, то он начал с интересом разглядывать ее унизанные драгоценностями белые руки, которые легко скользили по клавишам, и ее изящ-

ные запястья под кружевными рукавами. Он рассматривал ее пальчики один за другим: на этом сверкает рубин; тот украшен изумрудом; и меж ними всеми звездное сияние бриллиантов. От пальцев его взор скользнул к округлым запястьям: широкий плоский золотой браслет упал с ее правой руки, когда она играла бурный пассаж. Она резко остановилась, чтобы надеть его, но прежде этого Роберт Одли успел заметить синяк на ее нежной коже.

– Вы поранили руку, леди Одли, – воскликнул он.

Она быстро вернула браслет на место.

– Это пустяки, – сказала она. – К несчастью у меня такая кожа, что малейшее прикосновение оставляет следы.

Она продолжала играть, но сэр Майкл пересек комнату, чтобы самому взглянуть на запястье жены.

– Что это, Люси? – спросил он. – Как это случилось?

– Как глупы вы оба, беспокоясь о таких пустяках! – засмеялась леди Одли. – Я довольно рассеянна и несколько дней назад повязала кусочек ленты вокруг руки так туго, что остался синяк.

«Гм! – подумал Роберт. – Госпожа явно лжет, синяк появился совсем недавно, а не несколько дней назад, цвет кожи только начал изменяться».

Сэр Майкл взял хрупкую кисть в свои сильные руки.

– Подержи свечу, Роберт, – попросил он, – и давай-ка посмотрим на эту бедную маленькую ручку.

Это был не один синяк, а четыре четкие багровые отме-

тины, как будто оставленные четырьмя пальцами какой-то мощной руки, которая грубо схватила тонкое запястье. Узкая ленточка, туго повязанная, могла бы, наверно, оставить такие следы, и госпожа продолжала уверять, что насколько она помнит, это именно так и произошло.

Поперек одной из багровых отметин пролегала более темная полоска, как будто кольцо, надетое на один из этих сильных и безжалостных пальцев, отпечаталось на нежной плоти.

«Я уверен, что она лжет, – подумал Роберт, – как можно верить этой истории о ленточке».

В половине одиннадцатого он пожелал своим родственникам спокойной ночи и сказал, что он должен первым же поездом ехать в Лондон искать Джорджа на Фигтри-Корт.

– Если там его нет, то я поеду в Саутгемптон, – решил он. – Но если я не найду его и там…

– Что тогда? – спросила госпожа.

– Буду думать, что произошло что-то необычное.

Роберт Одли возвращался в таверну в подавленном настроении; он почувствовал себя еще хуже, войдя в гостиную, где они вместе с Джорджем сидели у окна и курили сигары.

– Подумать только, – размышлял он, – что можно так привыкнуть к парню! Но как бы там ни было, завтра утром я прежде всего поеду за ним в город и, несмотря ни на что, найду его хоть на краю земли.

По своей натуре мистер Роберт Одли был флегматичен, решительность была совсем не в его духе, но если он все же

дерзал сделать решительный шаг, то в нем появлялось какое-то настойчивое упрямство, которое влекло его к достижению цели.

Леность ума, которая не давала ему думать о дюжине вещей сразу, или слишком тщательно о каждой из них, что свойственно большинству энергичных людей, делала его замечательно прозорливым относительно всего, что привлекало его внимание.

И несмотря на то что старые законники в парке посмеивались над ним, а подающие надежды молодые адвокаты пожимали плечами под своими шелковыми мантиями, когда заходил разговор о Роберте Одли, я думаю, что, если бы ему поручили дело в суде, он бы немало удивил тех магнатов, что недооценивали его способности.

Глава 12. Все еще не найден

Блики сентябрьского солнца играли в водах фонтана в садах Темпля, когда Роберт Одли вернулся на Фигтри-Корт на следующее утро.

Канарейки все так же пели в маленькой комнате, где жил Джордж, и в квартире ничего не изменилось после отъезда молодых людей – ни один стул не был сдвинут; крышка от коробки с сигарами была так же приоткрыта, как и раньше – ничто не говорило о присутствии Джорджа Толбойса. Он поискал на каминной полке и столах в последней надежде найти там письмо от Джорджа.

«Может быть, он ночевал здесь прошлой ночью и отправился в Саутгемптон рано утром, – подумал он. – Весьма вероятно, что здесь уже побывала миссис Мэлони и все убрала».

Но пока он сидел, лениво разглядывая комнату и посвистывая, тяжелая поступь на лестнице возвестила о приходе той самой миссис Мэлони, которая обслуживала молодых людей.

Нет, мистер Толбойс не приходил домой, она заглядывала в шесть утра, квартира была пуста.

Что-нибудь случилось с добрым джентльменом, спросила она, увидев бледное лицо Роберта Одли.

Он резко повернулся к ней. Случилось! Что должно с ним

случиться? Они расстались только вчера, в два часа дня.

Миссис Мэлони собралась было рассказать ему историю о молодом машинисте, когда-то снимавшем у нее комнату, и который однажды, съев хороший обед, и в приподнятом настроении ушел из дома, чтобы неожиданно встретить свою смерть при столкновении экспресса и товарного поезда; но Роберт уже надел шляпу и вышел из дома, прежде чем честная ирландка успела начать свою печальную историю.

Смеркалось, когда он добрался до Саутгемптона. Он хорошо помнил дорогу к бедному домику на маленькой улице, ведущей к морю, где жил тесть Джорджа. Джорджи играл в открытых дверях гостиной, когда молодой человек шел вниз по улице.

Возможно, из-за этого и из-за царившей в доме тишины у Роберта возникло смутное предчувствие, что того, кого он искал, здесь нет. Старик сам открыл ему дверь, а ребенок с интересом разглядывал странного джентльмена.

Это был красивый мальчик, у него были карие глаза и вьющиеся волосы отца, но в его лице таилось какое-то скрытое выражение, и хотя каждая черта в отдельности напоминала Джорджа Толбойса, мальчик не был на него похож.

Старик обрадовался Роберту Одли, он вспомнил, что имел счастье встречаться с ним в Вентноре в связи с печальным событием, – не окончив предложения, старик стал вытирать свои слезящиеся старческие глаза. Не войдет ли мистер Одли? Роберт зашел в маленькую гостиную. Мебель бы-

ла ветхая и грязная, комната пропиталась застарелым запахом табака и бренди с водой. На грязном ковре тут и там валялись сломанные игрушки мальчика, трубки старика, порванные, с пятнами бренди газеты. Маленький Джорджи пошел к гостю, украдкой разглядывая его своими огромными карими глазами. Роберт посадил его к себе на колени и дал поиграть цепочкой от часов, пока разговаривал со стариком.

– Мне, наверное, уже не имеет смысла задавать вопрос, из-за которого я сюда приехал, – начал он. – Я надеялся, что застану здесь вашего зятя.

– Что! Вы знали, что он приезжает в Саутгемптон?

– Знал, что он приезжает! – обрадовался Роберт. – Так, значит, он здесь?

– Нет, сейчас его нет, но он был здесь.

– Когда?

– Прошлой ночью, он приезжал почтовым поездом.

– И сразу же уехал опять?

– Он оставался немногим более часа.

– Боже мой! – с облегчением сказал Роберт. – Он заставил меня напрасно волноваться. Но что все это значит?

– Так вы ничего не знали о его намерении?

– Каком намерении?

– Я имею в виду его решение уехать в Австралию.

– Я знал, что у него всегда были такие мысли, но не более того.

– Сегодня вечером он отплывает из Ливерпуля. Он при-

ехал сюда в час ночи, чтобы попрощаться с мальчиком, прежде чем он покинет Англию, возможно навсегда. Он сказал мне, что устал от всего и что тамошняя грубая жизнь более всего подходит к нему. Он пробыл здесь час, поцеловал мальчика, не разбудив его, и уехал из Саутгемптона почтовым поездом, который отбывает в четверть третьего.

– Что же все это значит? – недоумевал Роберт. – Что могло заставить его покинуть Англию вот так, не сказав ни слова мне, своему самому близкому другу, даже не переменив одежды, ведь он оставил все в моей квартире? Это очень странный поступок!

Старик мрачно посмотрел на него.

– Знаете, мистер Одли, – сказал он, многозначительно постукивая пальцем по лбу, – я иногда думаю, что смерть Элен очень странно повлияла на бедного Джорджа.

– Пфф! – пренебрежительно произнес Роберт. – Удар был слишком жесток для его чувств, но он в таком же здравом уме, что и я.

– Возможно, он напишет вам из Ливерпуля, – предположил тесть Джорджа. Казалось, он хочет сгладить негодование Роберта, вызванное поведением его друга.

– Ему следовало бы это сделать, – мрачно заметил Роберт, – так как мы были хорошими друзьями еще с тех пор, как вместе учились в Итоне. Не очень-то красиво со стороны Джорджа Толбойса так относиться ко мне.

Но даже когда он говорил эти слова упрека, его сердце

пронзило чувство сожаления.

– Это не похоже на него, – сказал он. – Это совсем не похоже на Джорджа Толбойса.

Маленький Джорджи встрепенулся.

– Так зовут меня, – пролепетал он. – И так зовут моего папу – большого джентльмена.

– Да, маленький Джорджи, и твой папа приезжал прошлой ночью и поцеловал тебя, пока ты спал. Ты помнишь?

– Нет, – ответил мальчик, покачав своей маленькой кудрявой головкой.

– Ты, должно быть, очень крепко спал, маленький Джорджи, и не увидел своего бедного папу.

Ребенок ничего не ответил, но затем, устремив взгляд на Роберта, коротко спросил:

– Где красивая леди?

– Какая красивая леди?

– Красивая леди, которая часто приезжала раньше.

– Он говорит о своей бедной маме, – заметил старик.

– Нет, – решительно и громко сказал мальчик, – не мама. Мама всегда плакала. Я не любил маму…

– Тсс, маленький Джорджи!

– Но я не любил ее, а она не любила меня. Она все время плакала. Я говорю о красивой леди, которая была одета в прекрасное платье и подарила мне золотые часы.

– Он имеет в виду жену моего старого капитана – чудесная женщина, она очень привязалась к Джорджи, и дарила ему

подарки.

– Где мои золотые часы? Разреши мне показать джентльмену мои часы, – кричал Джорджи.

– Они в чистке, Джорджи, – ответил дедушка.

– Все время они в чистке, – обиделся мальчик.

– Часы в целости и сохранности, уверяю вас, мистер Одли, – смущенно пробормотал старик и, вынув квитанцию из ломбарда, протянул ее Роберту.

Она была выписана на имя капитана Мортимера: «Часы, с бриллиантами, 11 фунтов».

– Мне часто не хватает нескольких шиллингов, – пожаловался старик. – Мой зять всегда был щедр по отношению ко мне… но… но… есть другие, мистер Одли… и ко мне плохо относятся.

Он вытер несколько слезинок, жалуясь плачущим голосом.

– Пойдем, Джорджи, бравому мальчугану пора спать. Пойдем с дедушкой. Извините, я покину вас на четверть часа, мистер Одли.

Мальчик беспрекословно пошел с ним. У двери старик обернулся и произнес тем же ноющим голосом:

– Приходится доживать свои дни в таком бедном месте, мистер Одли. Я принес много жертв и все еще приношу их, но ко мне плохо относятся.

Оставшись один в сумрачной маленькой гостиной, Роберт Одли сидел в задумчивости, уставясь на пол.

Итак, Джордж уехал, возможно, он получит от него письмо с объяснением, вернувшись в Лондон; но по всей вероятности, он больше никогда не увидит своего старого друга.

– Подумать только, я так привязался к парню, – произнес он, высоко подняв брови.

– Комната так пропитана табаком… – пробормотал он вскоре. – Вреда не будет, если я выкурю здесь сигару.

Он вытащил сигару из коробки; маленький камин еще не погас, и он огляделся в поисках того, чем можно было бы прикурить.

Полуобгоревший, скомканный лист бумаги лежал на коврике перед камином, он поднял его и развернул. Роберт рассеянно посмотрел на написанные карандашом строчки – и вдруг его взгляд поймал кусочек имени – имени, которое занимало все его мысли. Он поднес обрывок бумаги к окну и стал его рассматривать при слабом свете угасающего дня.

Это была часть телеграфной депеши. Верхняя часть сгорела, но более важная, основная часть послания сохранилась.

> «…олбойс приезжал в… прошлой ночью и уехал почтовым поездом в Лондон, направляясь в Ливерпуль, откуда должен отплыть в Сидней».

Дата, имя и адрес отправителя сгорели вместе с верхней частью. Лицо Роберта Одли смертельно побледнело. Он аккуратно свернул кусочек бумаги и положил его между листами своей записной книжки.

– Бог мой! – промолвил он. – Что это значит? Я сегодня же еду в Ливерпуль, чтобы разузнать там.

Глава 13. Тревожные мысли

Роберт Одли уехал из Саутгемптона почтовым поездом и вошел в свою квартиру, когда в его пустые комнаты вползал холодный серый рассвет и канарейки только начали расправлять свои перышки.

В почтовом ящике было несколько писем, но ни одного от Джорджа Толбойса.

Молодой адвокат падал с ног от усталости, проведя целый день в дороге. Впервые за двадцать восемь лет ленивая монотонность его безмятежной жизни была нарушена. Он начал терять представление о времени. Казалось, прошли месяцы с тех пор, как он потерял из вида Джорджа Толбойса. Было трудно поверить, что прошло менее сорока восьми часов с того времени, как Джордж оставил его спящим под ивами у ручья с форелью.

Его глаза устали. Он еще раз обошел все комнаты в поисках письма от Джорджа, и затем, не раздеваясь, улегся на кровать своего друга в комнате с канарейками и геранью.

– Я подожду утренней почты, – решил он, – и если там не будет письма от Джорджа, то я без промедления отправлюсь в Ливерпуль.

Он был настолько измучен, что сразу же забылся сном – глубоким, но не освежающим, и во сне его мучили кошмары.

То он следовал за какими-то незнакомыми людьми и вхо-

дил в странные дома, пытаясь разгадать тайну телеграфного послания; то он видел себя на кладбище в Вентноре у могильной плиты, которую Джордж заказал для своей умершей жены. И вдруг в этом таинственном бесконечном сне он подходит к могиле и видит, что могильная плита исчезла, и каменщик ему говорит, что ему нужно убрать надпись по причине, которую Роберт со временем узнает.

Стук у входной двери разбудил его.

Это было унылое серое утро, дождь стучал в окна, и канарейки печально чирикали, возможно жалуясь на плохую погоду. Роберт не мог сказать, долго ли стучали в дверь. Он услышал это во сне, и еще не вполне проснулся.

– Должно быть, это глупая миссис Мэлони, – пробормотал он. – Она может снова постучать. Почему она не может открыть дверь своим ключом, вместо того, чтобы вытаскивать смертельно измученного человека из постели?

В дверь снова постучали, но затем перестали, очевидно стучавший выбился из сил, и через минуту в двери повернулся ключ.

– Значит, у нее все-таки был ключ, – решил Роберт. – Хорошо, что я не встал.

Дверь между гостиной и спальней была полуоткрыта, и он видел, как прачка суетится в комнате, вытирает пыль, переставляет предметы с места на место.

– Это вы, миссис Мэлони? – позвал он.

– Да, сэр.

– Тогда во имя всех святых, зачем вы подняли этот шум у двери, когда у вас все время был с собой ключ?

– Шум у двери, сэр!

– Да, этот адский стук.

– Но я не стучала, мистер Одли, я сразу вошла с ключом…

– Тогда кто же стучал? Кто-то тарабанил в дверь с четверть часа назад, я думаю, вы, должно быть, встретились с ним, когда поднимались наверх?

– Но я сегодня припозднилась, сэр, сначала я убирала в комнатах мистера Мартина, и пришла сюда сразу с верхнего этажа.

– Так вы никого не видели у двери или на лестнице?

– Ни души, сэр.

– Как это досадно! – расстроился Роберт. – Выходит, я позволил этому человеку уйти, не узнав, кто он и чего хочет! А вдруг это был кто-нибудь с известием от Джорджа Толбойса?

– Если это так, сэр, то он наверняка придет снова, – успокоила его миссис Мэлони.

– Да, конечно же, если это кто-нибудь по делу, то он вернется, – решил Роберт.

Дело было в том, что с того момента, как он нашел телеграфное послание, он потерял всякую надежду получить известие от Джорджа. Он чувствовал, что в исчезновении Джорджа есть какая-то тайна – какое-то вероломство против него или против Джорджа. А что, если жадный тесть моло-

дого человека пытался их разъединить по той причине, что деньги были вверены попечению Роберта Одли? Что, если – ведь и в наши цивилизованные времена творятся всякие ужасные дела – что, если старик заманил Джорджа в Саутгемптон и покончил с ним, чтобы завладеть теми 20 тысячами фунтов, которые под опекой Роберта были оставлены маленькому Джорджи?

Но ни одно из этих предположений не объясняло телеграфного послания, а именно оно вызывало у Роберта смутную тревогу. Почтальон не принес письма от Джорджа Толбойса, и человек, стучавший в дверь, так и не вернулся, поэтому Роберт Одли снова покинул Фигтри-Корт в поисках своего друга. На этот раз он велел кэбмену ехать на станцию Юстон, и через двадцать минут он уже был на платформе, выясняя расписание поездов.

Ливерпульский экспресс отбыл полчаса назад, и ему пришлось ждать больше часа пассажирский поезд.

Роберт Одли нервничал из-за этой задержки. Полудюжина кораблей могли уплыть в Австралию, пока он слонялся по платформе, натыкаясь на чемоданы и носильщиков и кляня свое невезение.

Он купил «Таймс» и помимо воли стал искать глазами вторую колонку, с болезненным интересом изучая объявления о пропавших людях – сыновьях, братьях и мужьях, которые ушли из дома и больше не вернулись.

Его внимание привлекло объявление о молодом человеке,

чье тело было выброшено на берег недалеко от Ламбета.

Что, если и Джорджа постигла такая участь? Но нет, телеграфное послание делало его тестя причастным к исчезновению Джорджа, и любое расследование должно начинаться с этого.

Только в восемь часов вечера Роберт добрался до Ливерпуля; он успел узнать, какие суда отплыли в колонии за последние два дня.

Лишь один корабль с эмигрантами отплыл в четыре часа дня – «Виктория Регия», приписанный к Мельбурну.

Результаты его расспросов были таковы – если он хотел узнать, кто был на «Виктории Регии», ему нужно было подождать до утра, чтобы получить информацию о судне.

В девять утра на следующий день Роберт уже был в конторе.

Служащий, к которому он обратился, ответил ему со всей учтивостью. Молодой человек достал нужную книгу и, пробежав острием ручки по списку пассажиров, которые отплыли на «Виктории Регии», сказал Роберту, что среди них не было человека по имени Толбойс. Роберт продолжал расспрашивать. Не появился ли кто-нибудь из пассажиров незадолго до отплытия?

Один из служащих поднял голову, услышав вопрос Роберта. Да, сказал он, он помнит молодого человека, который пришел в контору и заплатил за проезд в половине четвертого. Его имя было последним в списке – Томас Браун.

Роберт Одли пожал плечами. Зачем нужно было Джорджу скрывать свое имя? Он спросил, не помнит ли служащий, как выглядел этот мистер Томас Браун.

Нет, контора переполнена в это время, много людей входит и выходит, и он не обратил особенного внимания на этого последнего пассажира.

Роберт поблагодарил клерков за их любезность и попрощался с ними. Когда он выходил из конторы, один из молодых людей окликнул его.

– О, кстати, сэр, – сказал он. – Я вспомнил кое-что об этом Томасе Брауне – его рука была на перевязи.

Роберту Одли ничего больше не оставалось, как вернуться в город. В шесть вечера он снова вошел в свою квартиру, смертельно уставший от бесплодных поисков.

Миссис Мэлони принесла ему обед и пинту вина из таверны на Стрэнде. Вечер был сырой и холодный, и прачка разожгла огонь в камине гостиной.

Съев половину бараньей отбивной и даже не попробовав вина, Роберт закурил сигару и уставился на яркое пламя в камине.

– Джордж Толбойс не отплывал в Австралию, – произнес он после долгого и мучительного размышления – Если он жив, то все еще находится в Англии, если он мертв, его тело спрятано где-то в Англии.

Он оставался в задумчивости очень долго – тревожные и невеселые мысли оставили тень на его мрачном лице, кото-

рую не могли рассеять ни яркий свет глаз, ни веселое пламя огня.

Поздно вечером он встал, отодвинул стол, придвинул ближе к огню свою конторку, вынул лист бумаги и обмакнул перо в чернила.

После этого он помедлил, потер лоб рукой и снова впал в задумчивость.

– Я составлю запись всего, что произошло, начиная с нашей поездки в Эссекс и до сегодняшнего вечера.

Он набросал этот перечень короткими четкими предложениями, нумеруя каждое из них.

Озаглавил его он следующим образом:

«Перечень фактов, связанных с исчезновением Джорджа Толбойса, включая также те из них, что не имеют явной связи с этим обстоятельством».

Несмотря на свое взволнованное состояние, Роберт был довольно горд официальной представительностью заголовка. Он сидел некоторое время, разглядывая его с любовью и покусывая перо от ручки.

– Честное слово, – заявил он. – Я начинаю думать, что мне следовало бы заняться своей профессией, чем слоняться без дела всю жизнь, как я это делал.

Роберт выкурил полсигары, прежде чем направил свои мысли в нужное русло, и затем начал писать:

> «1. Я пишу Алисии, предлагая привезти Джорджа в Корт.

2. Алисия пишет, что ничего не выйдет, поскольку леди Одли возражает.

3. Мы приезжаем в Эссекс, несмотря на возражения. Я вижу госпожу. Госпожа отказывается от знакомства с Джорджем в тот вечер'по причине усталости.

4. Сэр Майкл приглашает Джорджа и меня к обеду на следующий вечер.

5. Госпожа получает телеграфное послание на следующее утро, которое призывает ее в Лондон.

6. Алисия показывает мне письмо от госпожи, в котором та просит, чтобы ей сообщили, когда я и мой друг, мистер Толбойс, намерены покинуть Эссекс. В письме есть постскриптум, еще раз повторяющий вышеизложенную просьбу.

7. Мы навещаем Корт и просим показать дом. Комнаты госпожи заперты.

8. Мы попадаем в вышеуказанные апартаменты посредством потайного хода, о существовании которого госпоже неизвестно. В одной из комнат находим ее портрет.

9. Джордж испугался грозы. Весь оставшийся вечер его поведение чрезвычайно странно.

10. Джордж приходит в себя на следующее утро. Я предлагаю немедленно покинуть Одли-Корт, он предпочитает остаться до вечера.

11. Мы идем удить рыбу. Джордж покидает меня, чтобы сходить в Корт.

12. Последняя информация, какую я имею о нем в Эссексе, получена в Корте, где слуга говорит, что, по

его мнению, мистер Толбойс сказал, что пойдет поищет госпожу в окрестностях.

13. Я получаю информацию о нем на станции, которая, возможно верна, а возможно, и нет.

14. Я еще раз получаю известия о нем в Саутгемптоне, где, согласно словам его тестя, он находился около часа предыдущей ночью.

15. Телеграфное послание».

Когда Роберт Одли закончил этот короткий перечень, который он составлял чрезвычайно осмотрительно, с частыми остановками для размышлений, исправлений и добавлений, он долгое время сидел, рассматривая исписанную страницу.

Наконец, он еще раз перечитал ее, останавливаясь у некоторых пунктов и помечая их крестиком, затем свернул этот лист и положил его в свое бюро, в отделение, где уже было письмо от Алисии, – в тот самый ящик с пометкой «Важно».

После этого он вернулся в свое кресло у камина, отодвинул в сторону книгу и закурил сигару.

«Сплошные потемки от начала и до конца, – размышлял он. – Ключ к этой загадке нужно искать или в Саутгемптоне или в Эссексе. Будь что будет, я принял решение. Сначала я еду в Одли-Корт, поискать Джорджа Толбойса поблизости».

Глава 14. Жених Фебы

«Мистер Джордж Толбойс. – Любой, кто видел этого джентльмена после 7-го числа сего месяца или имеет о нем какие-либо сведения, будет щедро вознагражден, связавшись с А. З., Ченсери-Лейн, 14».

Сэр Майкл прочитал это объявление во второй колонке «Таймс», сидя за завтраком с госпожой и Алисией, спустя два-три дня после возвращения Роберта в город.

– По-видимому, о друге Роберта до сих пор нет никаких известий, – заметил он, прочитав объявление жене и дочери.

– Что до этого, – ответила госпожа, – меня только удивляет, какой глупец дает о нем объявление. Молодой человек был явно беспокойного нрава, ему не сиделось долго на одном месте.

Хотя объявление появлялось три раза подряд, общество в Корте мало интересовало исчезновение мистера Толбойса, после этого единственного случая его имя больше не упоминалось ни сэром Майклом, ни госпожой, ни Алисией.

Отношения Алисии Одли и ее хорошенькой мачехи не улучшились после того вечера, когда молодой адвокат обедал в Корте.

– Она тщеславная, легкомысленная, бессердечная маленькая кокетка, – говорила Алисия своему ньюфаундленду, Цезарю, который был единственным поверенным секретов

юной леди. – Она опытная, законченная кокетка, Цезарь; ей недостаточно окрутить половину мужского населения в Эссексе своими кудряшками и глупым хихиканьем, она во что бы то ни стало должна заставить этого глупого кузена стоять перед ней на задних лапках. У меня просто не хватает терпения с ней.

В подтверждение последнего заявления мисс Алисия относилась к своей мачехе с такой явной дерзостью, что сэр Майкл счел себя обязанным сделать замечание своей единственной дочери.

– Бедняжка очень чувствительна, Алисия, – увещевал баронет, – она чрезвычайно болезненно воспринимает твое отношение.

– Я нисколько не верю этому, папа, – уверенно ответила Алисия. – Ты думаешь, что она чувствительна, потому что у нее мягкие маленькие белые ручки, большие голубые глаза с длинными ресницами и всевозможное притворство, которое вы, глупые мужчины, называете очаровательным. Чувствительна! Да я видела, как она этими самыми хрупкими белыми пальчиками делает жестокие вещи и смеется, видя причиненную ею боль. Мне очень жаль, папа, – добавила она, увидев огорченное выражение на лице отца. – Хотя она встала между нами и украла у бедной Алисии любовь твоего щедрого сердца, я хотела бы полюбить ее для твоего блага, но я не могу, не могу, не может и Цезарь. Она подошла к нему однажды с хищной улыбкой на лице и погладила его боль-

шую голову своей мягкой ручкой, но если бы я не держала его за ошейник, он бы вцепился ей в горло и перегрыз его. Она может очаровать всех мужчин в Эссексе, но она никогда не подружится с моей собакой.

– Твою собаку следовало бы пристрелить, – сердито ответил сэр Майкл, – если Люси подвергнется опасности из-за ее злобного нрава.

Ньюфаундленд медленно повернул голову в сторону говорящего, как будто он понял каждое слово. В этот момент в комнату зашла леди Одли и животное съежилось около своей хозяйки с приглушенным рычанием. В поведении собаки чувствовался скорее ужас, чем ненависть, каким бы невероятным не мог показаться страх Цезаря перед этим хрупким созданием, как Люси Одли.

Несмотря на все свое дружелюбие, госпожа не могла не заметить, что Алисия не любит ее. Они никогда не упоминала об этом, лишь однажды, пожав своими изящными плечами, она промолвила со вздохом:

– Весьма прискорбно, что ты не можешь полюбить меня, Алисия, так как я никогда не умела заводить врагов, но если приходится, то ничего другого мне не остается. Если мы не можем быть друзьями, то давай, по крайней мере, соблюдать нейтралитет. Ты не будешь пытаться вредить мне?

– Вредить вам! – воскликнула Алисия. – Как я могу повредить вам?

– Ты не будешь пытаться лишить меня привязанности тво-

его отца.

– Может быть, я не могу быть такой любезной, как вы, госпожа, и расточать улыбки и комплименты каждому встречному поперечному, но я не способна на низость, и даже если бы и была, то, я думаю, вы настолько защищены любовью моего отца, что никто, кроме вас самой, не может лишить вас его привязанности.

– Как ты неумолима, Алисия, – произнесла госпожа с небольшой гримасой. – Я полагаю, ты намекаешь на то, что я лжива. Но я не могу не улыбаться людям и не говорить им любезности. Я знаю, что я не *лучше* других, но что же делать, если я *приятнее*. Это естественно.

Таким образом, Алисия исключила любую возможность сближения между ней и мачехой, и поскольку сэр Майкл был в основном занят сельским хозяйством и спортом, из-за чего ему приходилось проводить много времени вне дома, то вполне естественно, что госпожа была вынуждена искать общества у своей белобрысой служанки.

Феба Маркс в точности соответствовала тому типу девушек, которых произвели из служанок в компаньонки. Она была достаточно образованна, чтобы понимать свою хозяйку, когда Люси позволяла себе разражаться интеллектуальной трескотней, в которой язык едва поспевал за мыслями. Феба неплохо знала французский и могла читать романы в желтых обложках, которые заказывала госпожа в Берлингтон-Аркейд, и обсуждать со своей хозяйкой перипетии этих

романтических историй. Сходство Люси Одли и ее горничной, возможно, сближало этих женщин. Оно не было явным, их можно было увидеть рядом и ничего не заметить. Но если бы кто-нибудь увидел, как Феба бесшумно скользит по темным коридорам Корта в призрачном свете сумерек, он легко мог принять ее за госпожу.

Резкий октябрьский ветер гнал по липовой аллее опавшие листья и с призрачным шорохом наметал их в кучи вдоль сухих гравиевых дорожек. Старый колодец наполовину, должно быть, был заполнен листьями, принесенными ветром, которые как в водоворот затягивало в его черную, разрушенную пасть. Опавшие листья усыпали плотным ковром тихую гладь пруда, полностью скрыв его прозрачные воды. Усилия всех садовников, которых нанял сэр Майкл, не могли сдержать разрушительного натиска осени на землях вокруг поместья.

– Терпеть не могу этот унылый месяц! – воскликнула госпожа, прогуливаясь по саду и зябко поеживаясь под своим манто из соболей. – Повсюду разрушение и упадок, и холодный свет солнца освещает это уродство земли, словно сияние газовых ламп морщины старой женщины. Состарюсь ли я когда-нибудь, Феба? Выпадут ли мои волосы, так же, как листья опадают с этих деревьев? Что со мной станет, когда я буду старой?

Она вздрогнула при этой мысли и, плотнее укутавшись в меха, зашагала вперед так быстро, что ее служанка с трудом

поспевала за ней.

– Ты помнишь, Феба, – продолжала она вскоре, замедлив шаг, – ты помнишь тот французский рассказ, что мы с тобой читали – историю о прекрасной женщине, которая совершила какое-то преступление – не помню какое – в зените своей власти и всеобщего поклонения, когда весь Париж пил за ее здоровье, а простые люди, оставив без внимания карету короля, бежали толпой за ее экипажем, только чтобы взглянуть на ее лицо? Ты помнишь, как она хранила свою тайну почти полвека, проведя свои преклонные годы в кругу семьи, любимая и почитаемая провинциальным обществом, как святая и благодетельница бедных; и когда она поседела и глаза почти ослепли от возраста, ее тайна из-за какой-то неожиданной случайности была раскрыта; ее судили, признали виновной и приговорили к сожжению на костре? Короля, который ей покровительствовал, уже не было в живых; двор, где она блистала, канул в прошлое; влиятельные чиновники и судьи, которые могли бы ей помочь, давно сгнили в своих могилах; храбрые юные рыцари, которые отдали бы жизнь за нее, пали на полях сражений; она пережила всех и увидела, как век, к которому она принадлежала, растаял, как дым; и она взошла на костер в окружении лишь нескольких невежественных крестьян, которые забыли о ее щедрости и улюлюкали вслед злой колдунье.

– Я не люблю такие грустные истории, – промолвила Феба Маркс с содроганием. – Нет нужды читать книги, в этом

мрачном месте и так хватает ужасов.

Леди Одли пожала плечами и рассмеялась, видя прямоту своей служанки.

– Это мрачное место, Феба, – подтвердила она, – хотя не стоит говорить об этом моему дорогому старичку мужу. Несмотря на то, что я жена одного из самых влиятельных людей в графстве, не знаю, лучше ли мне, чем у мистера Доусона; но все же носить соболя стоимостью в шестьдесят гиней и тратить тысячу фунтов на украшение комнат кое-что значит.

Казалось странным, что Феба Маркс, находясь на положении компаньонки, получая щедрое вознаграждение и пользуясь привилегиями, как никакая другая служанка, желала оставить свое место; но тем не менее это было так – она страстно желала сменить преимущества Одли-Корта на весьма малообещающее будущее в качестве жены своего кузена Люка.

Молодой человек ухитрился воспользоваться удачей, которая выпала на долю его возлюбленной. Он не давал Фебе покоя до тех пор, пока она не выпросила для него, не без вмешательства госпожи, места помощника конюха в Корте.

Он никогда не выезжал ни с Алисией, ни с сэром Майклом; и лишь раз, в один из немногих случаев, когда госпожа взбиралась на маленькую серую чистокровку, предоставленную в ее распоряжение, он сопровождал ее в поездке верхом. В первые же полчаса он убедился, что как бы грациозно ни

выглядела госпожа в своей голубой амазонке, она была весьма посредственной наездницей, и совсем не способна управлять лошадью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.